

РАЗВОД
С ДРАКОНОМ
НЕ ОТМЕНИТ КЛЯТВЫ

Александр Витальев

Александр Витальев

Развод с драконом не отменит клятвы

<https://litres.ru/74111986>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вельт, драконий лорд, открыто привел в родовой дом новую невесту и стер Марьяну со стола как жену при всем дворе. Она собрала вещи, подписала отказ и уехала в маленький приют на окраине, где наконец может лечить, учить и кормить чужих детей своими руками, а не чужим именем. Вернуться заставляет клятва крови: развод без публичного ритуала медленно сжигает самого дракона, и совет ставит ей ультиматум — либо муж снова назовет ее женой, либо он не переживет зиму. Марьяна не собирается прощать предательство и не собирается снова быть витриной рода, но отказ теперь стоит ему жизни, а согласие — ее гордости. Кому из них хватит смелости признать, что клятва давно стала не про честь, а про любовь?

Содержание

Глава 1. Клятва у двери	4
Глава 2. Ключ от кухни	20
Глава 3. Чужие духи	36
Глава 4. Разговор после совета	52
Глава 5. Сломанная дверь	74
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Александр Витальев

Развод с драконом не отменит клятвы

Глава 1. Клятва у двери

Я потянулась к подносу и отдернула руку. Конверт был слишком тяжел для обычного письма: бумага пахла не чернилами, а старым деревом и чужими духами, от которых у меня внутри что-то сжалось, как сжимается горло перед криком. На обороте стояла метка Дома Серого Пламени — не гербовая, а родовая, с воронкой и змейкой, — и она чуть подрагивала, будто под сургучом еще дышал кто-то живой.

Я пришла в приют с двумя задачами: пересчитать травы и подписать у гильдии разрешение на ночной прием. Ни одна из задач не требовала вскрывать чужие письма. Но пальцы сами заломили сургуч. Бумага разошлась с хрустом, запах стал плотнее — лаванда, можжевельник, и та примесь, которую я узнавала с закрытыми глазами. Когда-то этими духами пахла вся наша спальня в замке. Теперь от них тошнило.

В письме было четыре строки, написанных почерком моей свекрови: «Совет Ста извещает первую жену лорда Вельта о начале срока. Если в течение трех лун не будет совершен

публичный ритуал Возврата Имени, лорд сторит от жара в костях. Право выбора места ритуала остается за женой». Под текстом — подпись Рагнара и малая печать совета.

Я перечитала письмо дважды. Сначала поднялась злость, потом — холодная, рабочая ясность, и я заставила себя думать. Совет давал мне три луны и право выбора места. Значит, во-первых, совету срочно нужен был ритуал: без меня Вельт действительно умрет, а вместе с ним и магическая линия рода. Во-вторых, они не хотели платить мне откуп, поэтому прислали ультиматум, а не предложение. Без меня обряд был невозможен, потому что согласие жены в нем обязательно. Я положила письмо на стол, развернула кресло к окну и сказала вслух, чтобы услышать собственный голос:

— Три луны.

В приюте пахло вареной репой и влажным бельем. У двери в лечебную ковылял Йорен с ведром мокрых тряпок. Он покосился на мою руку: под кольцом клятвы снова проступил старый ожог. Кожа вокруг металла шелушилась и болела на холоде, а сейчас вдруг стала теплой, почти горячей. Я закрыла лицо ладонью и тихо выругалась. Когда кольцо так нагревалось, это значило одно: Вельт был где-то рядом, не дальше полета стрелы.

Я вышла на крыльцо. У моста стояла черная повозка с гербом Серого Пламени, и рядом с ней топтался Торвен. Он был бледен, держал в руках пакет и смотрел на мою дверь так, словно за ней сидела не я, а медведь. Я спустилась к нему,

забрала пакет и спросила:

— Где он?

— У моста. Не смог проехать.

Я кивнула. Жар в костях дракона нарастал пропорционально расстоянию от меня, и Вельт впервые в жизни не мог уехать из города по своей воле. Я развернула пакет. Внутри лежали чистые бинты, мешочек сушеной полыни и записка крупным, тяжелым почерком: «Прими смену. Девочка из третьей палаты кашляет кровью. Не сможешь — напиши, приду сам». Подписи не было.

Я сложила записку вдвое и спрятала в карман фартука. У ворот стояла Лена с полотенцем через плечо. Она увидела меня, увидела кольцо, увидела, как я потираю палец, и все поняла без слов.

— Пойдемте, хозяйка. Там Мира пришла, чай принесла и какую-то бумагу с заднего крыльца подобрала.

Я пошла внутрь. У моста остался стоять черный экипаж, который никуда не мог уехать. Это было первое доказательство, что бумага о разводе не стоила ничего, пока жива была клятва. Я еще могла отказаться от ритуала и дать Вельту сгореть. Я еще могла выбрать. Но впервые в жизни мой выбор имел для кого-то последствие.

Лена шла впереди, и я слышала, как у нее звенят ключи от кладовой. В приюте пахло вареной репой и влажным бельем, и этот запах был сейчас лучше любых замковых духов.

Я переступила порог лечебной. Йорен тут же подставил

мне табурет. Он смотрел не на меня, а на палец, где кольцо остыло ровно до температуры тела.

— Хозяйка, там девочка.

Я кивнула, сняла фартук и повесила на крюк. Лена грела воду. Мира стояла у стены с кружкой чая и смотрела на меня так, будто я была в шаге от обрыва.

Девочка лежала на боку, щека в подушку, дышала с хрипом. На простыне темнели свежие пятна крови. Я села на край койки, положила ей руку на спину и закрыла глаза. Под ребрами жгло, но не лихорадка: это была старая рана, которую кто-то не долечил месяц назад.

— Кто смотрел?

— Лена, — сказала Мира. — Она и звала.

Я кивнула. Лена была из кухонных, руки у нее хорошие, но учить ее слышать легкие я еще не начинала. Я достала из сумки сушеную полынь из пакета Вельта, разломила стебель и понюхала. Полынь была срезана утром, на холодке, пахла правильно. Я залила кипятком, процедила через чистую тряпицу, дала остыть.

— Держи. Пей медленно.

Девочка пила, хрип стал тише. Я слушала ее дыхание и чувствовала, как кольцо пульсирует в такт моему сердцу. Не горячее — просто живое.

— Мастер, — шепнула девочка, не открывая глаз. — Там письмо.

— Я знаю.

— Нет. Другое. Под половицей.

Я замерла. Лена у стены отвела взгляд, и я поняла, что она знала. Мира поставила кружку и отвернулась к окну. Я наклонилась, нашла щель в доске, подцепила ножом и вытащила серый лист, сложенный вчетверо. Бумага пахла чернилами гильдии целителей, под лентой стояла малая печать Мары Нивены.

— Кто принес?

— Торвен. Утром был у моста.

Я развернула письмо. Короткая строка, без подписи, без обращения: «Поместье вашего супруга считается вашей юрисдикцией до конца срока, если вы его примете. В случае отказа мы требуем немедленной явки в гильдию для уточнения статуса».

Я перечитала дважды. Гильдия целителей требовала меня к себе, чтобы объявить, на чьей земле я живу. Пока я при приюте — я чужая городу. Пока при муже — я его имущество. А поместье по бумаге числилось за мной до ритуала. Это была ловушка, в которую меня тянули за руку.

Я положила письмо на стол и снова наклонилась к девочке. Она спала, дышала ровно. Полынь из пакета Вельта сделала то, что не смогла микстура Лены. Я медленно сжала пальцы под кольцом. Оно было теплым, спокойным, почти домашним.

В дверь постучали. Три раза, сухо, как стучат люди, привыкшие к чужим дверям.

— Войдите.

Торвен вошел боком, как входят в чужой дом. В руках у него была корзина, крытая холстом.

— От лорда. Сказал, чтобы приняли без меня.

Он поставил корзину у порога и отступил. Под холстом лежали свежие бинты, три гладкие кости для щипцов и пузырек с темной жидкостью. Я узнала запах, не открывая: настойка на корне лозана, которую в Доме Серого Пламени готовили только для своих. Лекарство стоило дороже, чем весь мой приют за месяц.

— Передай, что я принимаю смену.

Торвен кивнул и ушел. Я осталась одна. Снаружи у моста ждал черный экипаж, который никуда не мог уехать. У меня на пальце грелось кольцо, в кармане фартука лежала записка, а на столе — письмо от гильдии. Через три луны совет потребует ответ. Через три луны я могла войти в храм как жена, или остаться у себя, или выбрать землю поместья и снова стать чужой собственностью.

Пузырек с настойкой лозана стоял на столе, отбрасывая на стену черное круглое пятно. Я не стала его открывать. Я знала цену этой микстуре и знала, кому она доставалась в замке, пока я там жила. Я не хотела лечить этой штукой ни себя, ни девочку.

Я вымыла руки в тазу, вытерла о фартук и пошла вниз. Лена мыла пол в коридоре, от нее пахло холодной водой и мылом. Мира сидела на лавке у двери, теребила край платка

и смотрела на меня с тем осторожным любопытством, которое бывает у людей, знающих про тебя больше, чем ты сама.

— Покажи бумагу.

Мира молча вынула из-за пазухи сложенный вчетверо лист. Почерк был мелкий, канцелярский, без наклона. Внизу стояла подпись Рагнара.

«Дорогая супруга нашего лорда. Дом Серого Пламени с прискорбием уведомляет, что срок подачи прошения о ритуале Возврата Имени истекает через две луны. Если к этому времени вы не явитесь в храм для подтверждения брака или не пришлете доверенное лицо, совет будет вынужден считать ваш отказ окончательным и распорядиться имуществом по своему усмотрению».

Слово «супруга» было выведено отдельно, красными чернилами. Кто-то постарался.

— Кто принес?

— Торвен. Через заднее крыльцо, с черного хода. Сказал, чтобы вы не пугались.

— Он не сказал, чтобы я не злилась.

Я вернулась в лечебную и положила письмо рядом с пакетом Вельта. Два подарка, два разных почерка, одна и та же угроза с двух сторон. Рагнар прислал мне срок, как будто я была вещью, которую надо забрать из ломбарда. Вельт прислал лекарство, как будто я могла его принять.

Я села на табурет у окна. Кольцо стало теплее. Мне не нужно было смотреть — он где-то близко. Может, в экипаже

у моста. Может, прошел пешком. Жар в костях спадал только рядом со мной, и эта зависимость была страшнее любого признания.

Я достала из кармана записку Вельта, развернула. Крупный, тяжелый почерк. Тот же человек, который подписал со мной свадебный договор. Тот же, что при всех называл меня своей перед алтарем, а через год — своей ошибкой.

Я достала из сумки чистый лист и начала писать. Коротко, сухо, без звания.

«Рагнару, старшему советнику Дома Серого Пламени. Ваше письмо получила. Срок прошения считаю неприменимым, поскольку статус моего брака не определен ни вашим советом, ни моей волей. До получения письменного подтверждения от супруга о согласии на ритуал Возврата Имени я считаю себя вправе не являться по вашему требованию. О любых переменах прошу уведомлять через гильдию целителей».

Подписи я не поставила. Внизу легла малая печать Мары Нивенны — та, что мне дали в приюте, когда я впервые вышла на смену с собственной печатью.

Лена вошла тихо, с тарелкой каши на подносе.
— Хозяйка, вы не ели с утра.

Я кивнула, не отрываясь от письма. Она поставила поднос и осталась. Я видела, как она смотрит на печать, на кольцо, на корзину с лекарством Вельта, и пытается собрать цельную картину. Не выйдет.

— Лена, мне нужно отправить письмо в гильдию. Сейчас.

— Есть гонец. Йорен бежит быстро, он только вернулся.

— Пусть идет. И пусть дождется ответа. Если спросят, скажет: мастер Нивен просит подтвердить, что в реестре гильдии приют Теплой Обители числится под моей опекой, а не под юрисдикцией какого-либо рода.

Лена приняла письмо двумя руками. Я проводила ее взглядом.

За окном у моста по-прежнему стоял черный экипаж. В нем никто не выходил, и колесо чуть подрагивало. Я смотрела на него и думала о том, что две луны — это мало. Это ровно столько, чтобы выходить эту девочку, поставить на ноги еще двоих из третьей палаты, закончить повязку для мальчика с ожогом. И чтобы кто-то еще раз решил за меня, будто я его вещь.

Я поела, не чувствуя вкуса. Каша была горячая, от нее поднимался пар.

В дверь снова постучали. Коротко, один раз. Так стучат, когда ждали у двери и не хотели пугать.

— Войдите.

Вошла Старая Веда. Она была в дорожном платке и сером платье, с палкой, на которую не опиралась, а носила при себе. От нее пахло сухим камнем, ладаном и старой кожей. Она прошла мимо меня, посмотрела на корзину Вельта, потом на письмо Рагнара. На ее лице не дрогнуло ни одной морщины.

— Хозяйка, вы сегодня получили два голоса из одного до-

ма. Это к свадьбе или к разводу?

Я ничего не ответила. Она подошла ближе, села на лавку и положила сухие руки на колени.

— Я пришла спросить не про совет. Я пришла спросить про кольцо. Вы его сегодня не снимали?

Я посмотрела на свою руку. Кольцо сидело, как сидело вчера, и позавчера, и в день, когда я его надела. Ожог под ним давно перестал болеть, но иногда кожа под кольцом была розовее, чем вокруг.

— Я его не могу снять.

Старая Веда кивнула.

— Оно и не сойдет. Пока жива клятва. А клятва кончится только ритуалом или смертью одного из вас.

Она посмотрела на меня внимательно, без нажима.

— Это не мое дело, хозяйка. Но если через две луны вы не примете решение, его примут за вас.

Я накрыла ее руку своей.

— Спасибо. Я знаю.

Она ушла, как пришла, не оглядываясь. Я осталась одна с девочкой, которая спала, с кашей, которая остыла, и с письмом, которое я отправлю сама.

За окном у моста черный экипаж чуть качнулся. Я впервые за этот день подумала, что мне не все равно, когда он уедет.

Я поднялась, собрала со стола письмо Рагнара, лекарство Вельта и свою записку. Корзину с травами поставила на лав-

ку — пусть Лена разберет, там мята, мать-и-мачеха и что-то темное. В записке Вельта я перечитала строчку: «принимай подмаренник на ночь, жар снимает через час». На полях стоял крошечный оттиск, похожий на чешую. Я кольнула пальцем — не бумага, просто тень от кляксы. Но я запомнила.

В лечебной было тихо. Девочка спала, дыша через раз, щека горела, но уже не пылала. Я поправила ей повязку, накрыла одеялом до подбородка. На столе остались миска с кашей, пустая бутылочка из-под масла, ножницы с монограммой Серого Пламени и моя лекарская сумка. Я положила сумку в ноги у кровати — привычка, без нее я не уйду из комнаты, где есть больной. Это моя работа, и это мое.

За стеной хлопнула дверь черного хода, потом шаги, тяжелые, мужские, и тихий разговор. Лена отвечала коротко, я не разобрала слов, но услышала, как она сказала «не веле-но», и как кто-то в ответ хмыкнул. Потом шаги удалились. Лена появилась в дверях, бледная, перепачканная мукой по локоть.

— Хозяйка, там приехали. Не из совета. Слуги, двое. Сказали, что лорд Вельт просит передать, что он ждет вас внизу, в чайной у моста, на один разговор. Только на один.

— Какой лорд Вельт, если его экипаж стоит у моста с самого утра?

— Тот самый. Сказали, что он выйдет к вам сам, без охраны. И что если вы откажетесь, он уедет. Сказали, чтобы я передала дословно: «я не прошу войти, я прошу услышать».

— Услышать, — повторила я, и слово показалось мне горьким, как неспелый шиповник.

— Хозяйка, он же ваш... он же бывший. А у нас тут дети, и совет, и гильдия...

— И кольцо. Кольцо тоже есть.

Я встала. Сумку оставила у кровати — в чайной раны не лечат. Я поправила волосы, проверила, застегнут ли ворот у рабочего платья, и посмотрела на себя в мутное осколко зеркала у двери. Лицо было мое, усталое, с тенью под глазами. Я не стала ничего менять. Я не шла на свидание, я шла на разговор, который мне навязали. Это разные вещи.

У чайной пахло сдобой и углем. Внутри было пусто. Мира за стойкой протирала стаканы и не смотрела на меня. Я села за столик у окна, откуда видно экипаж. Вельт вошел через минуту. Без плаща, в темной рубашке, расстегнутой у ворота, с волосами, убранными назад. Он был худее, чем я помнила, и у него дрожали пальцы, когда он сел напротив. Он положил руки на стол ладонями вниз.

— Я слушаю.

— Я приехал не за тобой. Кольцо на моем пальце стало теплым, и я почувствовала, как в костях отозвался чужой жар. Я приехал сказать, что совет торопит меня к женитьбе на Ингрид, и я отказал. Перед ними, при Рагнаре. Это было вчера. Они дали мне две луны.

Он замолчал. Я смотрела на его руки. Они пахли железом и тем самым подмаренником, который он мне прислал.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Потому что кольцо не снимется, а я устал делать вид, что можно жить врозь.

Мира поставила между нами две чашки, без чая, просто чашки. Я взяла свою. Вельт свою не взял.

— Две луны — это мало. Это срок, чтобы дети встали на ноги. И чтобы я сама решила, нужна ли мне твоя женитьба, которой не было.

Мира убрала его чашку раньше, чем я успела допить свою. Я заметила: она не мыла ее, а просто переставила на другую полку, подальше. Мелкая женская месть, и я была ей благодарна.

Я вышла из чайной через заднюю дверь, ту, что ведет к реке. Мне нужно было пройтись. На мосту, у третьего столба, сидел Йорен, плечом к плечу с чужим мальчишкой из пекарни, и они ели пирожок, разорванный пополам. Йорен при моем появлении вскочил, вытер рот рукавом и спрятал глаза. Я не стала спрашивать, чей пирожок и откуда монеты. Я сунула ему в карман горсть сухих ягод шиповника, от кашля.

— Марьяна, там опять приехали. Из замка. Двое у ворот, ждут.

— Иди к Лене, она тебя покормит.

Он убежал, и я осталась одна на мосту. Ветер с реки бил в лицо, холодный и мокрый, с запахом ила и талого снега. Кольцо медленно теплело: Вельт не уехал, он стоял где-то рядом, может быть, за углом чайной. Я не пошла проверять.

Я повернула к приюту.

У ворот действительно стояли двое. Один был мне знаком — Торвен, с лицом, как каменная плита, и глазами, которые всегда смотрели в пол. Второго я не знала: высокий, в сером плаще, с гербом Дома Сольвейг на груди — серебряная рыба на черном поле. Это был человек Ингрид.

— Хозяйка, — сказал Торвен, — лорд Вельт просил передать, что он будет ждать вашего ответа утром. Здесь.

— Передай лорду Вельту, что я не обещала утро. Я обещала услышать. Это разные вещи.

Торвен кивнул. Второй шагнул вперед.

— Госпожа, госпожа Ингрид передает вам привет и приглашение на чай. В замок, в любое удобное для вас время. Она сказала, что хочет поговорить о детях.

— О каких детях?

— О тех, что живут в приюте. Госпожа Ингрид знает, что среди них есть дальняя родня Дома Серого Пламени. Она хочет убедиться, что им хорошо.

Я посмотрела на него так, что он отступил на полшага. Потом перевела взгляд на Торвена.

— Торвен, ты знаешь, что Ингрид не имеет права сюда входить без моего согласия. Ты это знаешь, потому что сам вчера привез мне список гостей. Если она войдет, ты мне ответишь. Ты, а не лорд Вельт. Ясно?

— Ясно, хозяйка. — Впервые за все время я увидела, как у него дрогнул кадык.

Человек Ингрид поклонился — неглубоко, с той вежливостью, которая хуже презрения, — и ушел. Я осталась стоять у ворот, и кольцо на пальце вдруг стало горячим, потом ледяным, потом снова горячим. Это было не к добру. Это означало, что Вельт где-то рядом и слышал каждое мое слово.

Я обернулась. Он стоял у своей повозки, в двадцати шагах от меня, без шапки, с мокрыми от снега волосами. Он не пытался подойти. Он просто смотрел на меня, и у него было то самое лицо, которое я ненавидела больше всего на свете, — лицо мужчины, который впервые понял, что его не пускают.

— Я не обещала утро, — повторила я уже ему.

— Я слышал.

— Иди домой. Завтра я пришлю ответ через Лену, не через Торвена.

Он кивнул. Потом сел в повозку, и она тронулась, и снег за ней поднялся такой густой, что я не видела моста. Я стояла и ждала, пока кольцо не остынет совсем. Оно остыло только у самых ворот приюта, у порога, где меня ждала Лена с перепачканным мукой лицом и девочкой на руках.

— Хозяйка, там письмо. Привез мальчик из замка, сказал — от самой госпожи Ингрид. Я не стала вскрывать.

Я взяла письмо. Печать была сургучная, серебряная, с рыбой. Я не стала вскрывать при Лене, положила в карман фартука, где уже лежала моя записка, и пошла в лечебную. Девочка кашляла, у нее снова горела щека. У меня было много

работы, и я была этому рада.

Письмо я вскрыла только ночью, когда все уснули. В нем было одно предложение, написанное ровным, незнакомым почерком: «Если вы откажетесь вернуться, я заберу детей. По закону рода».

Я перечитала дважды. Потом сложила письмо, убрала обратно в карман фартука и легла рядом с девочкой, которая дышала через раз. Кольцо на пальце было холодным, и впервые за весь день мне было спокойно. Завтра я напишу ответ. Завтра я буду решать. Но не сегодня. Сегодня — каша, повязка и сон.

Глава 2. Ключ от кухни

Я поставила саквояж на подоконник, выпрямилась и впервые за утро выдохнула. Лечебная пахла лавандой, спиртом и чужим дыханием. В углу на низкой койке сидел Йорен и держал на коленях спящего мальчишку лет четырех. Горло у ребенка было обмотано мокрой повязкой, под ней что-то хрипело.

— Давно так? — спросила я.

— С ночи. Мира прислала сказать, ты вернулась.

Я кивнула, не глядя на него. В приюте Теплой Обители меня еще никто не ждал, а Мира, хозяйка чайной у моста, уже строила из меня соседку. Ладно. Потом разберусь. Сейчас мальчишка.

Я размотала повязку, посмотрела горло. Красное, опухшее, на миндалинах серые точки. Не дифтерит, но почти. Я достала из саквояжа ножницы с монограммой рода Серого Пламени, срезала чистый бинт, велела Йорену держать голову. Ребенок дернулся, захрипел, Йорен прижал его крепче, побледнел, но руки не убрал. Хороший мальчишка. Будет из него лекарь, если перестанет бояться вида крови.

Я промыла горло отваром коры, наложила свежую повязку, поставила горячий отвар рядом с койкой.

— Через час дать еще три глотка. Если уснет, не будить. Сюда никому не входить.

Йорен кивнул.

Я вышла в коридор, закрыла дверь и прислонилась к стене. Кольцо на пальце стыло, как будто кто-то снова открыл окно в зиму. Вельт был где-то близко. Не здесь, в доме, но близко. Браслет у него на запястье, наверное, жег так же. Может быть, даже сильнее. Пусть.

В конце коридора стояла Лена, бывшая посудомойка, а теперь моя помощница. В руках у нее была связка ключей.

— Марьяна, там пришли.

— Кто?

— От совета. С бумагой.

Я выпрямилась. Бумага от совета в приюте Теплой Обители означала либо деньги, либо долговую печать. Других причин сюда тащиться у Рагнара не было.

— Пусть подождет внизу. Чаю не предлагай.

Лена кивнула и убежала, звеня ключами.

Я спустилась в кухню, где у печи уже сидел Торвен. Он приехал, видимо, с тем же гонцом. Управляющий замком Вельта сидел на моей лавке, как будто имел на нее право, и грел руки о кружку с отваром. Он не пил, только держал. Пальцы у него подрагивали.

— Госпожа.

— Здесь нет госпожи. Здесь Марьяна. И ты знаешь, почему.

Торвен сглотнул. Мы оба знали, почему. Я была в этом доме целительницей, а не женой лорда. Жена осталась в зам-

ке, ждала ритуала Возврата Имени.

— Совет прислал бумагу. Я должен вручить лично.

— Давай.

Он достал из-за пазухи свернутый свиток, запечатанный серым воском. Я взяла, сломала печать, развернула.

Ультиматум. Я уже знала, что там будет, но все равно прочитала дважды. Либо публичный ритуал Возврата Имени в течение трех лун, либо медленная гибель Вельта от жара в костях. Совет требовал ритуал, потому что без него магическая линия рода прервется. Не из жалости, из страха.

Я положила свиток на стол. Кольцо на пальце дернулось, потеплело на полградуса. Где-то Вельт почувствовал, что я читаю его приговор. Пусть почувствует.

— Передай совету, что я получила бумагу.

— Марьяна, господин Рагнар ждет ответа до вечера.

— Передай совету, что я получила бумагу.

Торвен поджал губы, встал, поставил кружку. Отвар остался почти полный.

— Госпожа... Марьяна. Лорд Вельт плохо себя чувствует. Эту ночь он не спал. Жар в костях поднимается к закату.

Я знала, почему он не спал. Я знала, почему жар поднимается к закату. Браслет-клятва на его запястье резонировал с моим кольцом, и когда я уходила дальше, чем на день пути, ему становилось хуже. Когда я работала рядом, лечила, перевязывала, возилась с травами, ему становилось легче. Целительский дар, вшитый в клятву, лечил обоих, и совет пре-

красно это понимал. Поэтому и торопился.

— Передай лорду Вельту, что я получила его жар.

Торвен моргнул. Он не привык, чтобы я так разговаривала. Никто не привык.

Он ушел. Я слышала, как за ним закрылась наружная дверь, как стукнули колеса повозки по мокрой мостовой.

Я стояла в кухне и смотрела на связку ключей, которую Лена оставила на крюке у двери. Это были ключи от приюта. От лечебной, от бельевой, от кладовой с лекарствами, от кухни, от черного хода. Утром Лена показала мне их, сказала, что прежняя хозяйка умерла и ключи никому не передавала. Совет держал приют под рукой, не давал никому ни имени, ни прав. Теперь бумага в руке, и совет ждал, что я испугаюсь и вернусь под крышу рода. Вернусь, чтобы спасти бывшего мужа от жара в костях. Вернусь, чтобы снова стать вещью.

Я взяла связку и сняла с нее ключ от кухни. Тяжелый, медный, с бородкой стертой от старости. Повесила себе на пояс рядом с ножницами.

— Лена, — позвала я.

Она прибежала.

— Запиши. Сегодня я принимаю ключи от приюта под свое имя. Напиши в гильдию целителей, что прошу закрепить за мной право работы и проживания. Если совет спросит, скажи, что я у себя дома.

Лена посмотрела на связку, на меня, на ключ у пояса.

— Марьяна, у нас нет бумаги от совета.

— У нас есть бумага от Рагнара. Я покажу ему свою, когда он спросит, где я живу.

Лена закусил губу, но кивнула и убежала.

Я вышла на крыльцо. Утро было серым, с реки тянуло холодом и дымом. Кольцо на пальце медленно теплело, как будто кто-то с той стороны клятвы снова подошел ближе. Я сжала кулак, потом разжала. Пусть подходит. Пусть знает, что я не ушла. Пусть знает, что я не вернулась. Я стою на своей земле, под своим ключом, со своим саквояжем, и у меня есть три луны, чтобы решить, чью жизнь я согласна спасти.

Крыльцо было мокрым от ночного дождя, и я переступила через лужу, чтобы не намочить край платья. На улице пахло рекой и подгоревшей кашей из кухни. Внутри у меня под ребрами ныло от голода и от свитка, который я все еще сжимала в кулаке. Три луны. Совет дал мне три луны, чтобы решить, чью жизнь я согласна спасти. Никто не спросил, хочу ли я вообще кого-то спасать.

Я вернулась в лечебную, потому что мальчишка с красным горлом был важнее ультиматума. Йорен сидел в той же позе, только ребенок уже не хрипел, а посапывал, уткнувшись носом ему в плечо. Хороший признак. Я проверила повязку, сменила отвар, велела через час дать еще глоток и разбудить, если проснется сам.

Потом спустилась вниз, в кладовую с лекарствами. Здесь пахло сухой полынью и старым деревом, на полках стояли банки с подписями, сделанными разными почерками. Преж-

няя хозяйка приюта писала крупно, с наклоном, кто-то после нее - мелко и криво. Я пересчитала банки, записала в тетрадь, сколько осталось коры, сколько шалфея, сколько чистого бинта. Цифры были невеселые. На месяц работы при таком расходе не хватало. На два - тем более.

В дверь постучали. Коротко, два раза, как стучат свои.

- Открыто.

Вошла Мира, соседка, хозяйка чайной у моста. В руках у нее был узелок, от которого пахло свежим хлебом и чем-то сладким, кажется, яблоками. Она была одета в темное, волосы убраны под платок, на лице - та особая привычная тревога, с которой она приходила каждый раз, когда в окраине случалось что-то важное.

- Ела сегодня?

- Нет.

- Садись. Потом разговор.

Я села на лавку у окна. Мира развернула узелок, отломилась хлеб, положила рядом два печеных яблока. Простые руки, простая еда. Я жевала и ждала, потому что Мира никогда не приходила просто так.

- В лавке у моста говорят, - начала она, не глядя на меня, - что ночью к замку Вельта приезжала Ингрид. С повозкой и двумя слугами. Ее впустили через черный ход.

Я перестала жевать.

- Через черный ход, - повторила я.

- Через кухонную дверь. Ее видели кухарки, которые вы-

ходили за водой. Плащ на ней был мокрый, волосы растрепаны. Она пробыла в замке до рассвета.

Я положила хлеб обратно на узелок. Кольцо на пальце стыло так, будто меня окунули в прорубь. Это была не физическая близость, это была ревность - моя, глупая, против которой я ничего не могла сделать. Вельт был связан со мной клятвой, его жар зависел от моих рук, но его постель, оказывается, до сих пор принадлежала не мне.

- Что еще? - спросила я.

- Слуги в замке говорят, что Ингрид теперь не невеста. Она там живет. Ей отвели комнату в восточном крыле, рядом с покоями Вельта. Рагнар якобы привез ей документ о помолвке.

- Документ о помолвке не отменяет клятву.

- Совет знает. Совету все равно. Они хотят, чтобы ты вернулась добровольно. Если не вернешься - Ингрид будет жить в замке как гостья, а к осени совет протолкнет новый ритуал. С тобой или без тебя.

Я встала. Лавка скрипнула.

- Мира, спасибо за хлеб.

- Марьяна.

- Нет, Мира. Хватит. Я поняла.

Я вышла из кладовой и пошла в свою комнату, ту, которую утром назвала своей. Комната была маленькой, с низким потолком, с узкой кроватью, застеленной серым одеялом. У стены стоял сундук, на нем - саквояж. На гвозде у двери ви-

сел мой плащ, еще влажный после вчерашнего дождя. Я закрыла дверь, села на сундук и достала из-под подкладки саквояжа маленький кожаный мешочек.

В мешочке лежал второй ключ. Не от приюта. Этот был от бельевой в замке Вельта, той самой, где я когда-то держала свои травы и сушила бинты. Я не снимала его с пояса, когда уходила. Просто забыла. А потом не смогла вернуть, потому что возвращаться в замок означало снова стать вещью.

Я положила ключ на ладонь. Он был холодный. На ободке была выбита маленькая литера - "Б", бельевая. Если Ингрид жила в восточном крыле, она наверняка уже перетряхнула все шкафы. Если она нашла этот ключ, она бы знала, что я оставила в замке часть себя. Если не нашла - значит, совет его еще не видел.

Кольцо на пальце медленно теплело. Вельт снова подошел ближе. Не ко мне - к замку. Может быть, он стоял у окна и смотрел в сторону окраины. Может быть, он думал обо мне. Может быть, рядом с ним стояла Ингрид в мокром плаще, и он держал ее руку, и его браслет не жег, потому что он наконец получил то, чего хотел.

Я сжала ключ в кулаке, потом положила обратно в мешочек, потом спрятала мешочек в саквояж, под бинты, под ножницы с монограммой Серого Пламени. Пусть лежит. Я пока не знаю, зачем он мне нужен. Но я знаю, что не отдам его ни совету, ни Ингрид.

В дверь постучали. Лена.

- Марьяна, там пришла женщина. Спрашивает тебя.

- Кто?

- Не назвалась. В плаще, капюшон надвинут. Говорит, что по делу от гильдии целителей.

Я встала, одернула платье, поправила ключ на поясе. Рука у меня была холодной, и я разжала пальцы, чтобы согреть их, прежде чем открывать дверь. Кольцо на левой руке впервые за утро стало просто теплым - не ледяным, не обжигающим, просто теплым, как будто где-то рядом стоял человек, который ждал меня не как вещь, а как работу.

Я открыла дверь и впустила в приют запах мокрого сукна, дорожной пыли и чужих, слишком сладких духов. Женщины в плаще была невысокой, с узкими плечами и привычкой держать голову так, будто над ней на две ступени больше потолка. Капюшон она откинула сама, без спроса.

Рагнар.

Я узнала его по запаху - старый пергамент, сургуч и немного ладана, который он возил с собой из совета. Лицо у него было спокойное, как у человека, который привык приходить в чужой дом и оставаться в нем хозяином. На груди, поверх дорожного плаща, висел знак старшего советника - бронзовая пластина с гербом Дома Серого Пламени.

- Гильдия целителей, - сказала я, не двигаясь. - Лена сказала - по делу от гильдии.

- Гильдия шлет меня сюда чаще, чем следовало бы, - ответил он и шагнул через порог без приглашения. - А я шлю

себя к тебе, потому что устал писать письма, которые ты не читаешь.

Я закрыла дверь. Пусть войдет. Пусть посмотрит, как я живу. Пусть потом доложит совету, что бывшая жена дракона спит на сером одеяле и ест хлеб из чужих рук.

- Ты пришел не от гильдии, - сказала я.

- Я пришел от рода. От тебя - зависит, от чего именно. - Он остановился посреди комнаты, посмотрел на узкую кровать, на сундук, на саквояж. - Мило. И честно. Это мне в тебе всегда нравилось.

- Тебе во мне нравилось много лишнего. Поэтому мы здесь.

Рагнар усмехнулся. Усмешка у него была старая, отработанная на десятках советов и приемах. Он сел на лавку у окна без приглашения, положил руки на колени и посмотрел на меня так, как смотрят на вещь, которую собираются купить.

- Совет недоволен, - сказал он. - Вельт слабеет. Браслет не дает ему спать, он теряет вес, его голос звучит так, будто в горле у него угли. Если так пойдет дальше, через две луны нам придется выбирать между ритуалом и похоронами.

- Тогда пусть выбирают ритуал.

- Совет не может выбрать ритуал без тебя, Марьяна. Ты это знаешь.

- Я знаю, что без меня совету придется худо. Это разные вещи.

Кольцо на моем пальце снова стало теплым. Не горячим

- просто теплым, как будто где-то за стеной приюта стоял человек, который слышал каждое мое слово и не знал, что с этим делать. Вельт не мог быть так близко. Между замком и окраиной - час ходьбы, и дождь еще не кончился. Но кольцо врало редко. Врало обычно сердце.

- Мне предлагали сделку, - сказала я. - Прямо сейчас, в этой комнате.

- Совет предлагает тебе не сделку, - ответил Рагнар. - Совет предлагает тебе выбор. Вернуться добровольно и сохранить место в роде. Или ждать, пока Ингрид займет твое место законно.

- Ингрид не займет мое место. Клятва не пустит.

- Клятва не пустит ее в спальню Вельта, - кивнул Рагнар.

- Но клятва не запретит ей сидеть за его столом, носить его герб и рожать ему детей, которых совет признает по праву дома.

Я почувствовала, как под ребрами стало холодно. Не от кольца. От того, что Рагнар впервые сказал вслух то, что я сама себе не разрешала думать.

- Дети, - повторила я.

- Дети, - подтвердил он. - Совету нужен наследник. Если клятва не пускает Ингрид в спальню, совет найдет способ обойти клятву. Или подождать, пока Вельт ослабнет настолько, что подпишет все, что ему дадут.

- Ты мне угрожаешь.

- Я тебе объясняю. - Рагнар встал, одернул плащ. - У тебя

три луны. Не потому, что совет добрый. А потому, что через три луны Ингрид получит право потребовать ритуал от твоего имени. По статуту рода, если жена не является на ритуал добровольно, его может потребовать любая одобренная советом женщина дома. Ингрид уже одобрена.

Я села на сундук. Руки у меня стали холодными, и я сжала их в замок, чтобы не было видно дрожи.

- Значит, совет дал мне три луны не из милости.

- Совет дал тебе три луны, чтобы ты сама выбрала, на каких условиях вернуться, - ответил Рагнар. - Если через три луны ты не явишься, явится Ингрид. И условия буду диктовать я.

Он шагнул к двери. Я не двинулась с места.

- Рагнар.

Он остановился.

- Кольцо на моей руке, - сказала я. - Кто его снять может, кроме меня?

- Никто, - ответил он, не оборачиваясь. - Потому что клятва защищает не род. Она защищает тебя. Пока ты носишь кольцо, род не может выкинуть тебя окончательно. Совет это знает. И Ингрид это знает тоже.

Дверь закрылась. Я сидела на сундуке и слушала, как стихают шаги в коридоре. Потом встала, подошла к окну и увидела, как Рагнар выходит из приюта, как Лена подает ему плащ, как он накидывает его на плечи и идет по грязи к мосту, не оглядываясь.

Кольцо на моей руке впервые за день стало горячим. Не ледяным, не просто теплым - горячим, как будто кто-то сжал мне палец в кулак и не собирался отпускать. Я посмотрела на запад, в сторону замка. Отсюда, с окраины, замка не было видно. Но я знала, что он там. И я знала, что он знает, что я здесь.

Я достала из-под подушки чистый лист и начала писать. Не письмо совету. Не ответ Рагнару. Список. Три луны. Три пункта. Первое - лечебная работа, чтобы у приюта было имя. Второе - гильдия целителей, чтобы у меня была крыша вне рода. Третье - Вельт, чтобы он пришел ко мне сам, а не совет его присылал.

Я поставила точку, сложила лист вчетверо и спрятала в саквояж, под бинты. Потом взяла ключ от бельевого, повертела в пальцах и положила обратно в кожаный мешочек. Не сегодня. Сегодня - работа. Сегодня - лечебная. Сегодня - Йорен, красное горло, чистые повязки и горячий отвар.

Я вышла из комнаты и заперла дверь на ключ.

Коридор пах мокрой штукатуркой и лавандой, которую Лена рассыпала по бельевого, чтобы перебить запах старой крови. Я заперла дверь своей комнаты на ключ, спрятала ключ обратно в кожаный мешочек и пошла по лестнице вниз, держась за перила. Под ногами скрипело. Лампа в конце коридора коптила, и от этого лицо Йорена, который сидел на нижней ступеньке с миской остывшей каши, казалось серым.

- Горло? - спросила я.

- Лучше, - он встал, вытер рот рукавом. - Но кашель ночью опять.

- Покажи.

Он послушно открыл рот, как делал это уже третий раз за два дня. Горло было красным, но без белого налета. Хорошо. Не лихорадка, не чахотка, просто холод и сырость, от которых дети на окраине кашляют до крови каждую зиму. Я отпустила его и пошла в лечебную, где на столе уже лежал чистый бинт, рядом с ним - глиняная миска с водой и три сухих корня алтея.

Лена встретила меня у двери, сразу зашептала:

- Марьяна, там приходили.

- Рагнар уже ушел, - ответила я, проходя мимо нее.

- Не Рагнар. Потом. Женщина.

Я остановилась.

- Какая женщина?

- Высокая, в сером. Духи сильные, сладкие, я такие в замке чувствовала. - Лена сглотнула. - Она спрашивала тебя. Сказала, что подождет. Я сказала - тебя нет. Она сказала - передай, что Ингрид заедет завтра. С подарком.

Кольцо на моем пальце дернуло, будто кто-то дернул за нитку. Не обожгло, не остыло - дернуло, как тянет поводок, когда лошадь чует хозяина. Я сжала зубы и поставила саквояж на стол.

- Что она хотела?

- Не сказала. Только смотрела. - Лена понизила голос. -

Марьяна, она на меня смотрела так, будто я ей должна.

- Ты ей ничего не должна.

- Я знаю. Но она так смотрела.

Я развернула бинт, проверила, что он чистый, и начала мять в руке корень алтея, чтобы он дал сок. Запах был горький, сладковатый, и от него чуть отпускало тугую пружину под ребрами. Ингрид. Завтра. С подарком. Подарок от женщины, которую Вельт привел в замок на мое место, - это не лента и не перчатки. Это способ показать, что бывшая жена может быть полезной, если будет тихой.

- Лена, - сказала я, не поднимая глаз. - Завтра утром принеси мне ключ от бельевой.

- Ключ у тебя, - осторожно ответила она.

- Я отдам тебе. Дубликата нет?

- Есть. У Миры, в чайной. Она хранит, потому что бельевая раньше была ее кладовой.

- Спроси у Миры. Скажи - мне нужен свой ключ, не тот, что на шнурке у пояса.

Лена моргнула, но спорить не стала. Ушла, шурша юбкой по каменному полу. Я осталась одна, размяла в руке второй корень, залила кипятком из медного чайника, стоявшего на жаровне, и накрыла миску тряпицей, чтобы пар не уходил. Десять минут. Потом отвар, потом теплое питье Йорену, потом чистая повязка маленькой Аське, у которой от сырости снова расчесались руки.

Через десять минут я сняла тряпицу, понюхала пар. Горь-

ко, но ровно. Перелила отвар в глиняную кружку, добавила ложку меда из банки, которую Лена держала на верхней полке, и понесла наверх. Йорен взял кружку обеими руками, отпил, сморщился.

- Горько.

- Значит, работает. Пей.

Он пил, а я стояла у окна и смотрела на запад. Дождь перестал, но воздух был тяжелый, темный. Где-то там, за крышами, за мостом, за полями, стоял замок Дома Серого Пламени. Там сейчас горел камин в большом зале, и кто-то другой грел руки у этого огня. Не я.

Кольцо снова стало теплым.

- Йорен, - сказала я, не оборачиваясь. - Завтра к обеду придет женщина в сером. Ты ее в лечебную не пускай. Скажи - хозяйки нет.

- А если она спросит, где хозяйка?

- Скажи - по делам гильдии.

Он кивнул. Мальчишка был не из тех, кто задает лишние вопросы. Может быть, поэтому я его и держала при себе. Я забрала у него пустую кружку, сунула под мышку чистый бинт и пошла обратно в лечебную, досыпать порцию Аське. Завтра будет Ингрид. Завтра будет подарок. А сегодня - работа, и работа меня не подведет.

Глава 3. Чужие духи

Фолиант лежал на столе, раскрытый на странице с долгами, и пах старой кожей и пылью. Я вела пальцем по столбцам, считая серебро, и кольцо на моей руке холодило, будто тоже не хотело здесь быть. Дом Серого Пламени задолжал травнице Ровене за три зимы сушеного зверобоя и за поставку коры ивы, и сумма была такая, что хватило бы на год жизни в приюте, не спрашивая ни у кого разрешения.

За окном пахло снегом и чьим-то дымом, и в этом дыму я уловила знакомую нотку, чужую, сладкую, слишком дорогую для окраины. Тяжелые духи, от которых у меня всегда начинало ныть в висках. Я подняла голову раньше, чем услышала шаги.

— Доброго утра, — сказала я ровно и не встала. Потому что я не была здесь гостьей. Я считала долги собственного мужа, чтобы знать, сколько у меня украли, пока я варила ему отвары от жара в костях.

Ингрид вошла в распахнутую дверь кабинета, как входят в собственную спальню, с улыбкой, от которой хотелось протереть лицо. На ней было пальто с бобровым воротником, на плече — шаль, от которой тянуло теми самыми духами, и я вдруг вспомнила, как эти же духи оставались на воротнике Вельта, когда он возвращался из замка поздно и делал вид, что ничего не было.

— Я привезла помощь приюту, — сказала она и поставила на стол лакированную шкатулку. — Двести серебряных от Дома Сольвейг. Для детей. И для тебя лично, если ты передумаешь.

Кольцо на моем пальце стыло так, что костяшки побелели. Я спрятала руку под стол и не двинулась. На шкатулке была выжжена печать Сольвейг, и я знала, что любой, кто возьмет из нее монету, будет должен роду, и совет это увидит, и совет это запишет.

— Сядь, — сказала я. — Раз уж пришла деньги предлагать, послушай, за что у меня тут долг. Дом Серого Пламени должен травнице Ровене за три зимы. Двести двадцать серебряных. Дом, в котором я была женой, не заплатил жещине, которая его лечила. Сколько ты готова отдать, чтобы это закрыть, и сколько ты готова отдать, чтобы это запомнили как твою милость.

Она моргнула, и я увидела, как у нее дрогнули пальцы на ручке шкатулки. Она пришла купить меня, а не считать книги, и теперь книга стояла между нами, открытая, грязная, и в ней черным по серому было написано, что дом, куда она собиралась войти, жил моими отварами.

— Двести двадцать, — повторила она тише, и я кивнула, не улыбаясь.

— И отдельной строкой, — сказала я, — реестр лекарственных поставок в замок за последние пять лет. Я хочу знать, за что платили, за что нет, и кто подписывал. Если совету нужна

невестка, совету придется сначала разобраться с приходом, а потом уже выбирать, кого в этом приходе слушать.

В дверях кабинета стало тесно. Вельт стоял в проеме, плечом к косяку, и смотрел на меня так, будто впервые видел, как я работаю. На его запястье браслет-клятва тихо светился сквозь рукав, и я знала, что он чувствует мой холод кольца на расстоянии, и знала, что ему сейчас больно, и эта мысль не принесла мне облегчения.

— Марьяна, — сказал он, и голос у него был низкий, глухой, как у человека, который долго не пил. — Не бери у нее деньги. Я закрою долг.

Я посмотрела на него поверх книги, и шкатулка с печатью Сольвейг стояла между нами, как маленькая граница, и я впервые за эту зиму почувствовала, что граница эта моя. Я выбрала себе площадку, я считала чужие долги, и впервые за долгое время мои руки занимались тем, что я умею, а не тем, что мне приказали.

— Хорошо, — сказала я, не глядя на Ингрид. — Закрой. Прямо сейчас. Из своего сундука, а не из сундука рода. И я хочу видеть расписку Ровены.

Лена втащила корзину с битым горшком и остановилась, увидев, что я не одна. Она переводила глаза с меня на Вельта, и на ее лице было то выражение, которое у прислуги бывает, когда они не знают, кого обслуживать первым, и очень боятся ошибиться.

— Уголь принесла, — пробормотала она. — И сказали,

у маленькой Ольги опять жар поднялся. Я подумала, ты захочешь посмотреть сама, а не отправлять меня с чужим отваром.

— Поставь у двери, — сказала я, и она послушно опустила корзину, и уголь из нее просыпался на пол серой пылью, и я видела, как Вельт отметил это движение и как его брови дрогнули. Он никогда раньше не бывал в лечебной приюта, и, наверное, ему было странно смотреть, как его бывшая жена командует девочкой, которая год назад мыла котлы в замковой кухне. Странно ему было или нет, а кольцо у меня на пальце впервые за утро стало не холодным и не обжигающим, а просто ровным, как будто клятва перестала спорить и прислушалась.

— Ты слышал, — сказала я ему, — жар. Если ты останешься стоять в дверях, браслет у тебя на руке будет гореть до ночи, а если ты отойдешь на три шага и сможешь Лене перенести ящик с сухим зверобоем на полку, он, может быть, поутихнет. Я не обещаю. Я не знаю, на каком расстоянии твоя клятва перестает жалить, и тратить на это утро не хочу. У меня ребенок.

Он не ответил, и я подумала, что он сейчас уйдет, потому что ему непривычно, когда ему указывают, куда встать в комнате, где он бывал только гостем. Но он снял плащ, повесил его на крюк у двери, и крюк этот был низкий, детский, и край плаща подмел пол, и я отвернулась, чтобы он не увидел, как у меня дернулась щека. Он подошел к ящику, под-

нял его обеими руками, и я увидела, как напряглись у него на шее жилы, и как Лена отскочила, будто он ее ударит, и как он поставил ящик точно под верхнюю полку, не задев ни одной склянки.

— Там у тебя на полке справа, — сказала я, не оборачиваясь, — банка с сухой полынью. Если она стоит криво, поправь, иначе она свалится на голову тому, кто полезет за ивовой корой.

Он поправил. Я слышала, как стекло стукнуло о стекло, и как он отступил на полшага, и кольцо у меня на пальце потеплело так ровно, что я забыла про него и вспомнила только тогда, когда у меня на руке запульсировала жилка и стало ясно, что браслет на его запястье впервые за зиму не горит. Он стоял в моей лечебной, в трех шагах от меня, и впервые за долгое время ему не было больно, и я не знала, радоваться мне этому или ненавидеть себя за то, что мне от этого чуть полегчало.

Я открыла дверь в палату, и там на кровати у стены сидела Ольга, ей было лет шесть, у нее были серые глаза и слишком тонкие запястья, и она смотрела на меня с тем выражением спокойной обреченности, которое бывает у детей, привыкших к боли. Мать у нее умерла прошлой весной, отец сдал ее в приют, когда заболел, и платить за нее было некому, и совет Дома Серого Пламени считал, что таким детям в приюте делать нечего, потому что они не наследники и не невесты, и нечего тратить на них лекарскую руку. Совет считал, а я

считала иначе.

— Доброе утро, маленькая, — сказала я и села рядом, и положила ладонь ей на лоб, и ладонь у меня была холодная, потому что я только что перебирала травы, и Ольга зажмурилась, и жар под моей рукой был ровный, сухой, нехороший.

— Горло смотри, — сказала я, и она послушно открыла рот, и я увидела красное, опухшее, в мелких белых точках, и у меня внутри что-то сжалось, потому что я знала эту картину. Я сама болела этим в детстве, и бабка меня вытаскивала медовым отваром с полынью, и после этого отвара я неделю ничего не слышала, а потом слышала слишком громко, и мир не казался мне тише. Я сжала Ольге плечо, и она вцепилась мне в рукав, и кольцо у меня на пальце кольнуло током, и я дернула рукой, и она вскрикнула, и у двери Вельт сделал шаг внутрь, и я остановила его взглядом, потому что в этой комнате командую я.

— Лена, — сказала я, не оборачиваясь, — банку с медом из нижнего ящика, и кружку кипятка, и чистую тряпицу. И сразу тащи, не стой.

Лена убежала, а я достала из кармана передника костяную иглу и протянула Вельту рукой, в которой не было кольца. Он взял, и его пальцы были горячие, и я впервые за эту зиму не отдернула руку, потому что мне нужна была игла, а не разговоры. Я подцепила ею налет с горла ребенка, и Ольга дернулась, и я прижала ее голову к себе, и пахла она молоком и печной золой, и я вспомнила, как сама так пахла, когда

меня лечила бабка.

— Мед, — сказала я, и Лена поставила передо мной банку, и я зачерпнула пальцем густое, темное, и положила Ольге на язык, и велела держать и не глотать, и она послушно закатила глаза, как делают дети, когда им больно, но терпят. В этот момент Вельт кашлянул, и я не обернулась, но я слышала, как он переступил с ноги на ногу, и как скрипнула половица под его весом, и как он сел на табурет у двери, не на самый удобный, а на тот, который был ближе всего к выходу, чтобы не давить. Он впервые в жизни сел так, чтобы не давить, и я почувствовала, как у меня защемило в носу, и прижала Ольгу крепче, и она пискнула, и я разжала руки, и ничего не сказала.

— Через час посмотрю еще раз, — сказала я Лене. — И если жар не спадет, дашь ей вторую ложку, и третью, но не больше, потому что мед тоже яд, если его слишком много. И принеси мне расписку Ровены, как только Вельт закроет долг. Я хочу видеть почерк Ровены, а не печать Сольвейг.

Лена кивнула и убежала, а я сидела на кровати Ольги, и слышала, как Вельт дышит у двери, и кольцо у меня на пальце было теплое, и браслет у него на запястье, я знала, молчит, и впервые в этой зиме в комнате было не холодно. Я не поблагодарила его. Я не посмотрела на него. Я просто сидела с чужим ребенком на руках, и мои руки пахли медом и полынью, и это пахло работой, и работой я больше не была ему должна.

Я услышала, как за дверью палаты заскрипели половицы, и поняла, что Лена вернулась слишком быстро, чтобы успеть сварить отвар и принести расписку. Значит, она забыла, за чем шла, или ей помешали. Я осторожно убрала руку со лба Ольги, укрыла ее серым одеялом до подбородка, и встала, и колени у меня хрустнули, потому что я просидела на низкой кровати дольше, чем собиралась. Вельт тоже встал со своего табурета у двери, и я увидела, как он посмотрел на мои руки, и на его лице мелькнуло что-то, что я отказалась узнавать.

Дверь открылась, и вошла не Лена. Вошла Мира, хозяйка чайной у моста, в своем всегдашнем темном платке, пахнущая дымом и мятой, и за ней следом Торвен, управляющий замком, с каменным лицом и с кожаной папкой под мышкой. У меня внутри сжалось, потому что Торвен никогда не приходил в приют без приказа, а приказы из замка в последнее время не приносили мне ничего, кроме нового ожога. Я выпрямила спину и вытерла руки о фартук, и мед на пальцах смешался с полынью, и запах стал почти домашним, почти моим.

— Госпожа, — сказала Мира, и в голосе у нее было то осторожное спокойствие, с каким она встречала мужиков, пришедших к дочерям с недобрый предложением. — К вам от Ровены гонец. Говорит, по делу о закупочной книге.

Я посмотрела на Торвена, и он коротко кивнул, и я поняла, что он здесь не как враг, а как свидетель, и это было хуже, потому что свидетелем его мог прислать только кто-то,

кому нужна была подпись не на бумаге, а в памяти. Я кивнула, и Мира впустила Лену, бледную, с банкой меда в руках, и следом за ней в палату шагнул незнакомый мне мужчина в куртке окраинного торгового цеха, с засаленными волосами и с той осторожной повадкой, с какой ходят люди, привыкшие к чужим долгам.

— Книга закупа, — сказала я, и мой голос прозвучал ровнее, чем я ожидала. — За прошлый месяц. Полынь, ивовая кора, мед, сухой зверобой. Поставка от Ровены Серой, по цене окраинной гильдии, без наценки. Сумма двенадцать медяков, из них восемь уже закрыты, остаток четыре я должна до первого инея.

Мужчина развернул кожаную папку, и я увидела лист, исписанный мелким, аккуратным почерком, и внизу стояла печать Сольвейг, та самая, которую я терпеть не могла, потому что под этой печатью мне продавали лекарства с наценкой за пользование родовым именем. Я взяла лист, и пальцы у меня не дрогнули, и кольцо не обожгло, потому что бумага была холодная и ничья. Я прочитала строку дважды, и у меня внутри закипело.

— Здесь написано шестнадцать медяков, — сказала я, и подняла глаза на мужчину. — На четыре больше, чем мы с Ровеной уговаривались. И наценка за имя Сольвейг вписана отдельно, хотя я брала лекарства как приют, а не как жена лорда. Кто это сюда вписал, и чьей рукой?

Мужчина потупился, и я увидела, как у него на шее вы-

ступил пот, и как Торвен чуть качнул головой, и как Вельт у двери чуть подался вперед, и в его лице я прочитала то, чего не хотела читать: он узнал эту бумагу. Я перевела взгляд на Торвена, и он ответил ровно, как умел отвечать только он, отводя глаза в пол.

— Бумага пришла из замка с утренним обозом, госпожа. С пометкой от Рагнара, что долг за прошлый месяц закрыт поставщиком, и приюту осталось доплатить только разницу за имя. Рагнар велел передать на словах, что это последняя любезность Дома Серого Пламени, и что следующую поставку приют будет брать сам, без поруки.

Я сложила лист аккуратно, по сгибам, и положила его на край стола у окна, и пальцы у меня были спокойные, и это спокойствие стоило мне всей моей выдержки. Я поняла, что это за бумага. Это был не счет, а подарок с хвостом: Рагнар закрыл мой долг перед Ровеной, но вписал наценку за родовое имя, чтобы любой в гильдии целителей увидел, что я все еще под крышей Дома Серого Пламени, и что моя работа считается работой от имени лорда, а не моей собственной. Это был способ заявить на меня права бумагой, потому что клятву бумагой не возьмешь.

— Мира, — сказала я, и голос у меня был сухой, как трава на зимнем поле. — Сбегай к Ровене. Скажи ей, что я прошу ее прийти лично, с ее собственной книгой, и с ее собственной рукой на расписке. Я не приму долг, закрытый чужой бумагой, потому что чужая бумага всегда пишется для чужих

ушей.

Мира кивнула и ушла, и мужчина из торгового цеха потянулся за кожаной папкой, и я накрыла лист ладонью.

— Это останется у меня, — сказала я. — До прихода Ровены. Передай Рагнару, что я видела почерк, и что я не подпишу чужой долг, даже если он закрыт. И передай ему еще, что приют Теплой Обители не торгует именем Сольвейг, и если он хочет, чтобы его лекарская рука шла от моего приюта, пусть он сначала спросит у гильдии, имеет ли он на это право.

Мужчина ушел, и Торвен вышел за ним, и в палате остались я, Вельт у двери, и Ольга на кровати, которая спала, и Лена с банкой меда, и я слышала, как у Вельта на запястье чуть сдвинулся браслет, когда он переступил с ноги на ногу. Я подошла к нему, близко, на шаг ближе, чем позволяла себе обычно, и я увидела, как у него дрогнули ресницы, и как он не отступил, и как кольцо у меня на пальце стало просто теплым.

— Ты знал про эту бумагу, — сказала я, и это был не вопрос, а утверждение. — Ты знал, и ты пришел сюда, и ты сел на табурет, и ты ждал, когда мне принесут эту подделку. Зачем?

Он смотрел на меня сверху вниз, и я видела, как у него на скуле заиграл желвак, и как он сжал челюсть, и как он не ответил сразу, а ответил потом, тихо, и голос у него был такой, каким он говорил, когда врал совету, только я теперь

знала, что это не ложь, а признание.

— Я хотел, чтобы ты сама увидела, — сказал он. — Я не мог принести тебе эту бумагу из замка, и я не мог сказать тебе о ней через слугу, потому что тогда это был бы его голос, а не мой. Я хотел, чтобы ты прочла это сама, и чтобы ты знала, что мой род снова пишет за твоей спиной, и чтобы ты решила сама, как с этим быть. Я не буду за тебя решать, Марьяна. Больше не буду.

Я отступила на полшага, потому что в комнате стало слишком тепло, и не от кольца, а от его голоса, и от того, что он впервые сказал мое имя без злости, без приказа, без мужской привычки перебивать. Я кивнула, коротко, как кивают тем, кому не верят до конца, но кого начинают слушать.

— Хорошо, — сказала я. — Тогда дрова внизу, у крыльца, нужно занести в сушильную до обеда, иначе к вечеру у меня в приюте дети будут спать в мокрых простынях. Лена не донесет, и Мира не донесет, а у меня руки заняты.

Он посмотрел на меня, и я увидела, как у него в лице мелькнуло что-то, похожее на удивление, и на облегчение, и на ту осторожную мужскую радость, когда ему впервые за долгое время дают дело, а не отказывают. Он наклонил голову, и вышел из палаты, и половицы под ним заскрипели привычно, как под хозяином, но я знала, что он несет дрова, а не приказ, и что в этом маленьком различии сейчас уместалась вся наша новая жизнь. Я вернулась к Ольге, и положила ладонь ей на лоб, и жар под моей рукой был ровный, и

тихий, и я подумала, что к вечеру он спадет, и что завтра я снова буду считать чужие медяки, и снова решать, чьей бумаге верить, и что впервые в этой зиме мне не нужно для этого ничье разрешение.

Сушильня пахла мокрым деревом, и это был хороший запах, пахла работой, а не бумагой. Я стояла у стены, и пересчитывала дрова, которые Вельт уже занес, и пальцы у меня были заняты мелом, и мел я держала так крепко, что костяшки побелели. Двенадцать полешек, все ровные, все сухие, и я понимала, что он выбирал их руками, а не слугами, потому что на одном полене осталась царапина от его ногтя, и я эту царапину узнала бы среди сотни, потому что слишком хорошо знала его руки.

Я повесила мел на гвоздь, и услышала, как в дверь постучали, и стук был неровный, и я поняла, что это Ровена, потому что Ровена всегда стучала левой рукой, потому что правая у нее была занята сумкой с книгой. Я открыла, и Ровена вошла, маленькая, рыжая, злая, с книгой под мышкой, и она посмотрела на дрова, и на меня, и на Вельта, который как раз выносил последнее полено, и она все поняла без слов.

— Покажи бумагу, — сказала она.

Я подала ей лист, и она прочла, и у нее на шее выступило то же, что у того мужчины из торгового цеха, и я поняла, что она не знала про эту наценку, и что Рагнар провернул это мимо нее, потому что считал, что я не полезу проверять. Я ждала, и кольцо у меня на пальце тихо теплело, потому что

Вельт был в сушильне, через стену, и его жар уже привычно ложился мне в кость.

— Четыре лишних, — сказала Ровена, и голос у нее стал тонкий, как у обиженного торговца, и я знала этот тон, она его включала, когда хотела, чтобы гильдия целителей услышала. — И наценка за имя вписана чужой рукой, я свою руку на этом не ставлю. Кто это сделал, госпожа?

— Тот, кто думает, что у меня нет своей книги, — сказала я. — И тот, кто хочет, чтобы гильдия думала, что я работаю от его имени. Но у меня есть своя книга, Ровена. И я хочу, чтобы ты записала туда, что этот долг закрыт мной, а не им. И что я приют Теплой Обители, а не жена лорда.

Ровена кивнула, и я увидела, как у нее в глазах мелькнуло уважение, и это уважение стоило мне больше, чем любая печать Сольвейг. Она открыла свою книгу, и я продиктовала ей строку, и она записала, и я поставила свою подпись, и Ровена поставила свою, и мы сделали это при Лене, и при Йорене, который как раз пришел с водой, и при Мире, которая вернулась и стояла в дверях, и теперь у меня была бумага, записанная правильной рукой, и я положила ее в свой саквояж, к ножницам с монограммой Серого Пламени, потому что эти ножницы все еще были нужны, чтобы отрезать от прошлого то, что еще служит.

Вельт вошел, и увидел, что я убираю саквояж, и остановился, и я заметила, что он смотрит на мои руки, а не на мое лицо, и это было ново, потому что раньше он смотрел толь-

ко в глаза, когда хотел власти. Я подняла голову, и заговорила первой, потому что молчание между нами стало слишком теплым, и я не хотела к нему привыкать.

— Завтра приедет гильдия, — сказала я. — Проверять, сколько детей в приюте, и сколько из них дальних родственников рода Серого Пламени. Я знаю, что они приедут, потому что Рагнар не зря вписал наценку, он хочет, чтобы они приехали и забрали девочку, ту, которую я прятала в бельевой. Ты знаешь, о ком я говорю.

Он кивнул, и я видела, что он не удивился, потому что он знал, что Рагнар не остановится на бумаге, и что теперь, когда у Рагнара не вышло через долг, он пошлет проверку по крови.

— Я перепишу опеку на гильдию, — сказала я. — И я хочу, чтобы ты знал, что я делаю это не против тебя, а для ребенка. Потому что если гильдия возьмет девочку под свое имя, Рагнар не сможет забрать ее даже через совет. И тогда мне будет все равно, что он думает о моей работе, потому что у меня будет своя бумага и свой ребенок.

Он посмотрел на меня, и я увидела, как у него на скуле опять заиграл желвак, и как он сжал челюсть, и как он ответил, тихо, и голос у него был такой, каким он говорил, когда решал за себя, а не за род.

— Я знаю одну травницу при гильдии, — сказал он. — Она мне должна за то, что я не выдал ее сына за кражу лошади. Если ты напишешь ей записку, я отвезу эту записку

сегодня, и к утру она будет у тебя в приюте вместе со своей книгой. Я не буду решать за тебя, Марьяна. Но я могу отвезти записку.

Я посмотрела на него, и кольцо у меня на пальце стало спокойно теплым, и я поняла, что впервые за эту зиму мне не нужно его разрешение, чтобы спасти чужого ребенка, но мне нужна его записка, чтобы гильдия поверила, что я действую быстро. Я кивнула, и пошла за бумагой, и Лена подала мне перо, и я написала Ровене строки о девочке, и Ровена прочла, и кивнула, и я отдала записку Вельту, и он взял, и его пальцы, когда он брал лист, были горячие, и я отдернула руку раньше, чем он успел перехватить, и он это заметил, и не сказал ничего, и вышел, и в сушильне пахло мокрым деревом, и мной, и чужими духами, которых на нем уже не было.

Глава 4. Разговор после совета

Утро началось с того, что я перевязывала ожог на собственном пальце. Кольцо клятвы лежало в миске с холодной водой, и вода третий раз за ночь становилась теплой. Снизу Лена грела котлы, и я считала минуты до того, когда придется спуститься к детям. На столе лежало вчерашнее письмо совета, с печатью, от которой пахло железом и горелым. Я успела прочесть его четыре раза и каждый раз злилась сильнее.

В письме Дом Серого Пламени официально подтверждал трехлунный срок до ритуала Возврата Имени и просил меня, как законную супругу лорда Вельта, явиться в родовой замок для сверки крови и подписания согласия. Подпись - Рагнар. Под текстом стояла сноска: в случае моего отказа совет оставляет за собой право ходатайствовать перед гильдией целителей о принудительном освидетельствовании по факту сокрытия дара.

Кольцо в миске дрогнуло. Вода пошла рябью и начала тихо закипать. Значит, Вельт где-то рядом, не дальше полета стрелы. Я вынула кольцо, надела на палец. Ожог зашипало. Я закатала рукав, спрятала кольцо под тканью и спустилась в лечебную.

Вельт уже сидел в лечебной. Он стоял у окна, прислонившись плечом к раме, и смотрел во двор, где Йорен колол дро-

ва. На запястье я увидела его браслет-клятву, тонкий, темного металла, который в это утро не светился, а просто лежал на коже, как привычная вещь. На стуле возле двери лежала его куртка, перепачканная известкой.

- Не спит никто в этом доме? - спросил он, не оборачиваясь.

- Спят дети. Взрослые работают.

Он обернулся. Под глазами лежали тени, каких я раньше у него не видела. Браслет чуть качнулся, когда он сжал руку в кулак. Кольцо у меня на пальце стало теплым и перестало жечь.

- Совет прислал бумагу, - сказала я, не здороваясь. Я не собиралась делать вид, что мы просто знакомые. - Тебе известно?

Он кивнул. На столе рядом с его курткой лежало еще одно письмо, с печатью Дома Сольвейг. Мое письмо от Ингрид с угрозой забрать детей приюта я получила вчера. Значит, ночью она написала и ему. Я не спросила, что там. Это было не мое дело. Пока.

- Принудительное освидетельствование по факту сокрытия дара, - процитировала я вслух. - Это что за формулировка?

Вельт посмотрел на меня. Впервые за много дней он смотрел прямо, не отводя глаз.

- Это значит, что совет не верит, будто ты простая травница. Они хотят забрать тебя в замок, проверить кровь и, если

найдут искру драконьего рода, заявить, что дар целительницы - собственность Серого Пламени.

Я села на табурет у стола, прямо напротив него.

- А если я не открою дверь?

- Тогда они пошлют гильдейского инспектора. Официально это забота о ребенке с признаками дара, но на деле - обыск.

В голове сложилась картина: совету нужна не я, не примирение, не мой браслет и не мой голос в ритуале. Им нужен мой дар, потому что без меня линия целительства в их роду прервется. Вельт женился на мне не по любви, а потому что бабка когда-то связала клятву с целительской искрой, и теперь без меня его собственные дети не смогут лечить. Совет это знает. Ингрид это знает. И я теперь это знаю.

- Зачем ты здесь? - спросила я прямо. - Привез бумагу? Предупредить? Или просто не спал ночь и пришел греться у моей печки?

Вельт снял куртку, повесил на спинку стула. Под курткой на рубашке я уловила чужой запах - не Ингрид, что-то резкое, хвойное. Значит, он сегодня ночью виделся с кем-то из замка, и тот снова влез в его дела.

- Я привез тебе вот это, - Вельт достал из кармана маленький сверток. Внутри лежали две ампулы с густой темной жидкостью и записка: "Серная мазь. При принудительном освидетельствовании дара у детей вызывает временное гашение искры на шесть часов. Использовать один раз. Бу-

дет больно."

Я смотрела на ампулы, и у меня в груди медленно поднималась злость. Не на Вельта, а на всех, кто сделал так, что женщина, которая лечит, должна думать о мазях, скрывающих дар, а не о том, как сварить отвар.

- Это от кого? - спросила я, не прикасаясь.

- От человека, которому я должен и которому больше не верю.

- Тогда зачем ты это привез?

Он посмотрел на меня, и впервые за этот год я поверила, что он ответит честно:

- Потому что у меня больше нет выхода. Они идут на тебя через детей. Если завтра ты не откроешь дверь инспектору, совет обвинит тебя в сокрытии дара и отберет приют. Если откроешь - заберут ребенка с искрой. Я не знаю, что из этого хуже, но я знаю, что в замке никто не умеет лечить драконью кровь.

- А девочка Оля?

- Без тебя она не выживет. Я привез тебе то, за что мне будет стыдно, но я не хочу, чтобы ты завтра выбирала между свободой и чужим ребенком.

- Кольцо, - сказала я вслух, глядя на руку. - Документ об отказе. Ультиматум. Теперь вот это. Ваш род меня любит бумагами. Скажи одно: совету нужен мой дар или мое имя?

Вельт молчал.

- Молчишь. Тогда я отвечу за них. Совету нужен мой дар.

Имя они получили два года назад, когда я вошла в ваш дом. Имя можно вернуть бумагой, как они думали. А вот дар - это кровь, и кровь они хотят забрать не отпиской.

- Ты права, - сказал он тихо.

- Я это знаю. И завтра я не открою дверь инспектору. Я встречу его на крыльце, при свидетелях, с гильдейской печатью и долговой книгой. Если совет хочет мою кровь, пусть сначала ответит за долги, которые он мне должен за два года работы целительницей в их доме.

В этот момент в дверь постучали. Лена просунула голову:

- Марьяна, там Ингрид приехала. Лакированная шкатулка, платье дорогое, стоит у ворот. Говорит, что привезла прощение.

Кольцо стало горячим, потом просто теплым. Вельт сжал челюсть. Я встала, спрятала сверток с ампулами в карман, взяла со стола долговую книгу и пошла к двери.

Лена и Йорен ждали в сенях. Лена прижимала к груди мокрое полотенце, Йорен переминался у калитки с длинной палкой наперевес, будто собрался отбивать приют от мыши.

- Пусть войдет, - сказала я Лене. - Йорен остается у калитки.

Я вышла на крыльцо. Шкатулка оказалась тяжелой. Лак гладкий, почти черный, с тисненой лирой Дома Сольвейг. Я поставила ее на крыльцо, сложила руки вверх.

Ингрид переступила порог так, будто входила в спальню собственного замка. Сначала каблук, потом подбородок, по-

том взгляд, которым она обвела стены, мокрые бинты на веревке, мою долговую книгу под мышкой. У калитки Мира с хлебом в руках и две соседки замерли, делая вид, что просто идут мимо.

- Марьяна, - сказала Ингрид, и голос у нее был ровный, бархатный, - я привезла прощение.

- Прощение не бывает лакированным. Что в шкатулке?

- Серебро. Двести монет. Отступные за обиду, которую тебе нанес мой род.

Я открыла шкатулку. Двести монет лежали столбиками, ровно, как любит Дом Сольвейг. Сверху лежала грамотка с подписью Рагнара. Я прочла вслух, чтобы слышали Мира и Йорен:

"За причиненный ущерб чести и доброму имени выплачивается отступное в размере двухсот монет. Сим закрывается долг чести между Домом Сольвейг и женой бывшего хозяина замка Серого Пламени".

- Слово "бывшего" лишнее, - сказала я. - По указу Совета Ста я жена, пока не пройдет ритуал.

Ингрид чуть прищурилась. Кольцо стало холодным, потом просто теплым.

- Марьяна, я приехала не ссориться, - сказала она. - Ты свободна. Можешь уехать в любой город. Я оплачу дорогу. Серебро можешь оставить себе.

- Я никуда не уеду.

- Тогда я не знаю, чего ты хочешь.

Я закрыла шкатулку, и щелчок замка прозвучал на всю улицу.

- Я хочу, чтобы ты забрала монеты обратно, Ингрид. Не потому что я их стыжусь. А потому что плата за честь - плевок. Серебром не закрывают обиду, серебром ее подтверждают. Ты мне платишь, значит, ты считаешь, что обида была. И все соседи, которые увидят, как я это серебро трачу, тоже будут считать, что обида была. А я хочу, чтобы она не была. Я хочу, чтобы ты села за этот стол и написала в гильдию целителей, что Дом Сольвейг отзывает обвинение в сокрытии дара и не имеет претензий к приюту Теплой Обители. Тогда я возьму шкатулку, отнесу в гильдейскую кассу и попрошу, чтобы эти деньги пошли на лекарства для детей. Это цена. Не мне, им.

Ингрид улыбнулась. Улыбка у нее была красивая, как у статуи в ратуше.

- Ты не в том положении, чтобы ставить условия. Совет прийдет инспектора завтра. Я могу уехать и вернуться с ним вместе.

- Можешь. Но тогда шкатулка уедет со мной в гильдию как доказательство попытки подкупа. Я не возьму серебро. Я возьму его у совета, когда совет признает, что не имел права трогать мою девочку.

В этот момент дверь приюта открылась. Вельт вышел на крыльцо, и Ингрид его увидела. Ее лицо стало неподвижным. Браслет-клятва у него на запястье качнулся.

- Ингрид, - сказал он, и голос был тот самый, низкий, которым он раньше в замке разговаривал со мной за закрытой дверью. - Ты привезла моей жене отступное. Поздравляю. Теперь послушай ответ моей жены. Марьяна не возьмет серебро. Она потребует, чтобы совет отозвал обвинение. Если ты хочешь, чтобы я подписал отказ от брака, ты должна сначала вылечить Олю. И ты не умеешь.

Ингрид посмотрела на Вельта, потом на меня. Впервые она не знала, что сказать. Кольцо у меня на пальце стало просто теплым. Совсем просто.

Я забрала шкатулку с крыльца, отнесла в приют, поставила на полку рядом с банками из кладовой и вернулась к двери. Ингрид все еще стояла у калитки.

- Завтра в полдень я жду инспектора здесь, - сказала я. - С гильдейской печатью. И ты тоже приходи, Ингрид. Посмотришь, как я его встречаю.

Она села в карету и уехала, не оборачиваясь. Вельт стоял на крыльце, руки в карманах, и смотрел ей вслед. Я закрыла дверь, и замок лязгнул так же, как шкатулка.

Потом я открыла саквояж, достала записку, которую готовила травнице, и дописала сверху одно слово: "Сегодня".

Я задвинула засов и прижалась к двери лбом. За дверью Вельт стоял на крыльце, и я слышала, как он положил руку на косяк. Не постучал. Просто положил.

- Я уезжаю к травнице, - сказала я, не оборачиваясь. - Йорен пойдет со мной, записку отвезу я сама. Ты остаешься в

приюте. Смотри за Олей, Лена покажет, где что лежит. Если кто-то придет из замка, кроме Рагнара с печатью, не открывай.

Тишина за дверью была ответом. Потом глухой удар - он опустил руку с косяка.

Я выпрямилась, пошла к лавке, на которой сушились травы, перебрала повязки для Оли на завтра. Шесть штук, две чистые, четыре прокипяченные. Отвар из мать-и-мачехи уже стоял на столе, горький, с запахом меда и гари. Я накрыла его полотном и проверила, чтобы край не свисал - Лена вечно зацепляла локтем и роняла.

- Марьяна, - сказал Вельт из-за двери, тихо. - Возьми с собой нож.

Я замерла. Потом полезла в саквояж, достала костяную иглу для сшивания ран, повертела в пальцах и положила в карман фартука. Игла не нож, но в узком переулке у моста ее хватит.

- Возьму, - ответила я двери. - Если ты сейчас скажешь, что беспокоишься, я тебя не пущу на крыльцо до конца недели.

Он не сказал. Спустился с крыльца и пошел к калитке. Я слышала, как Йорен шарахнулся от него в сторону. Хорошо. Пусть боится. Йорену полезно.

Я взяла платок, намотала на шею, натянула перчатки - тонкие, кожаные, с обрезанными пальцами. Записку из саквояжа переложила во внутренний карман. Травница Ровена жи-

ла за мостом, через три переулка и двор с вывеской лисы. Двадцать минут ходу, если не идти через рынок. Я пойду через рынок. Мне нужно, чтобы меня видели.

На крыльце я остановилась. Снег падал крупной и таял на камне. Вельт стоял у калитки, руки в карманах.

- Если Ингрид вернется, - сказала я, не доходя трех ступеней, - ты меня не знаешь. Я уехала к родне в деревню. Адрес не помню. Записку получил ты, а не она.

Он чуть наклонил голову. Кольцо потеплело, не обожгло, а просто стало теплым, как утренний чай.

- Иди, - сказал он. - Я никого не пущу.

Я прошла мимо него. Между нами остался один шаг. Я почувствовала запах мокрого дерева и его кожи, и что-то еще, чему запретила себе давать имя. Потом этот шаг кончился, я оказалась за калиткой, и Йорен засеменил рядом, пытаюсь попасть в мой шаг.

Рынок был почти пустой. Воздух пах квашеной капустой, мокрым деревом и дешевым табаком. Я шла медленно, чтобы меня видели. Три лавки, потом переулок, потом мост. Мне нужно, чтобы Ингрид, если у нее остались глаза на этой улице, доложила совету: Марьяна уехала в сторону моста, одна, с учеником.

У моста я остановилась и обернулась. Над крышами приюта поднималась тонкая струйка дыма из сушильни. Вельт уже топил.

У Ровены я сняла перчатки и постучала условным стуком

- два коротких, один длинный. Дверь открыла сама травница, маленькая, сухая, с руками в пятнах от трав.

- Записку, - сказала я и протянула сложенный лист.

Она прочла, подняла брови, потом посмотрела на меня.

- Девочка с кровью Серого Пламени. Ты понимаешь, что это значит?

- Понимаю. Завтра придет инспектор. Мне нужно, чтобы ты была в приюте как независимый свидетель. И чтобы гильдия закрыла вопрос о сокрытии дара раньше, чем совет его откроет.

- Гильдия не успеет. Совет давит уже вторую неделю. Хочешь - выпишу охранную грамоту от гильдии прямо сейчас.

- Пусть пишет. Но инспектор все равно придет.

- Пусть приходит. Только пусть приходит к двери, за которой сидит свидетель из гильдии, долговая книга приюта и грамотка от Дома Сольвейг в шкатулке. Тогда он увидит не одинокую женщину с ребенком, а целительницу под защитой гильдии, которую род пытается купить серебром.

Ровена медленно кивнула.

- Грамоту напишу. Оставайся полчаса, я закрою лавку и пойду с тобой. Вдвоем безопаснее.

Я поставила шкатулку на прилавок. Ровена открыла ее, посмотрела на гербовую печать Сольвейг.

- Ты понимаешь, что они тебе предлагают?

- Понимаю. Деньги за молчание.

- Не только. Это вход в род. Если ты возьмешь это серебро,

совет объявит тебя должницей Дома Сольвейг. Тогда приют отойдет им по долгу.

- Поэтому я и принесла шкатулку тебе. Засвидетельствуй печать и составь опись. Пусть хранится у гильдии, пока совет не предъявит претензий.

- А если предъявит?

- Тогда мы откроем шкатулку при свидетелях и спросим, с какой стати род предлагает серебро целительнице, которую они же вычеркнули из реестра жен.

Ровена достала из-под прилавка тяжелую книгу в кожаном переплете и начала записывать. Я смотрела, как перо скрипит по бумаге, и думала о Вельте, который сейчас сидит у камина с чужой девочкой на руках.

Кольцо на пальце было теплым. Не горячим, не ледяным - просто теплым, как утренний чай, к которому привыкла рука. Впервые за эту зиму я не чувствовала в нем ни ожога, ни холода.

- Грамоту я напишу, - сказала Ровена. - Охранная грамота гильдии на твое имя и на имя приюта. Инспектор увидит печать и не посмеет тронуть ребенка без санкции главы целителей.

- А совет?

- Совет узнает о грамоте завтра утром. Им придется считаться.

Я встала, забрала шкатулку и поставила ее на полку рядом с банками сушеной полыни. Ровена дописала, оторвала лист,

продула чернила и протянула мне.

- Подпиши. И поставь отпечаток пальца. Того самого, с кольцом.

Я подписала, прижала палец к красной сургучной печати. Сургуч обжег кожу, но это был привычный ожог, не тот, что оставляет клятва.

Когда я вышла от Ровены, снег перестал. Над крышами плыл сизый дым, пахло хвоей и морозом. Йорен ждал у моста, при виде меня просиял.

- Идем обратно, - сказала я. - В приюте нас ждут.

У калитки приюта я остановилась и долго смотрела на Вельта. На коленях у него спала Оля, укутанная в его же куртку. Я не могла понять, когда он успел ее раздеть и закутать, и почему мне стало трудно дышать.

Кольцо на пальце пульсировало ровно, как второе сердце.

- Спала час, - сказал он, не повышая голоса. - Потом проснулась, попросила кашу. Я сварил.

- Кашу, - повторила я.

- Манную, на молоке. С маслом. Она съела полмиски.

Я подошла ближе, присела на корточки. Оля дышала ровно, щека порозовела, и жар, который я чувствовала утром, ушел. Я положила ладонь ей на лоб. Кожа была прохладной, сухой.

- Пойдем в дом, - сказала я тихо. - Неси ее.

Вельт поднялся осторожно, придерживая девочку за спину, и понес к двери. Я шла рядом, и между нами было пол-

шага, и я чувствовала запах его рубашки - дым, молоко, манная каша. Ни чужих духов, ни железа.

На пороге он остановился, пропуская меня. В приюте пахло сушеными травами и теплым хлебом. На столе в лечебной лежала моя сумка, и рядом - тарелка с манной кашей, накрытая чистым полотенцем.

- Это мне? - спросила я.

- Тебе, - ответил он. - Ешь.

Я опустилась на табурет у печи. Вельт положил Олю на кровать в соседней комнате, где уже горела свеча. Лена поднялась с лавки, посмотрела на него с опаской, потом на меня. Я кивнула. Лена вышла.

Вельт сел на табурет напротив. Руки у него были в муке, и он не вытирал их.

- Записку я отвезу вечером, - сказал он. - Человеку, которому должен. Это далеко, за мостом, но я успею до темноты.

- Спасибо.

Он помолчал. Потом посмотрел на мою руку - на кольцо, на палец, на сургучный след от печати.

- Гильдия выдала охранную грамоту? - спросил он.

- Завтра будет у меня. Ровена написала. Инспектор увидит печать и не посмеет тронуть девочку без санкции главы целителей.

Он кивнул. В камине треснуло полено. Оля в соседней комнате вздохнула во сне и перевернулась.

- Марьяна, - сказал он, и голос был низкий, сиплый, - я

думал, Рагнар привезет настоящую долговую книгу.

- Я знаю. Если бы знал - не привез бы.

- Ты не знаешь. Ты думаешь, я мог. А я не мог.

- Тогда зачем привез?

Он опустил голову. Руки сжались в замок, и я увидела, как на запястье проступил темный браслет. Браслет был спокоен, но кольцо у меня на пальце вдруг стало ледяным. Я ахнула, не удержав хлеб.

Вельт поднял голову, и я увидела в его глазах страх.

- Я привез, - сказал он тихо, - потому что Рагнар сказал, что иначе совет закроет приют за долги. А я не хотел, чтобы ты осталась без работы.

Каша на тарелке остыла. Я положила хлеб обратно.

- Ты мог сказать мне правду. Приехать и сказать: Марьяна, совет давит. Не молчать, а говорить. Ты молчал.

- Я молчал, - согласился он. - Потому что боялся, что ты непустишь.

- И правильно делала.

- Да. Правильно.

Кольцо снова стало теплым. Не ледяным, не горячим - просто теплым, и я сжала пальцы в кулак, и металл не впивался в кожу.

- Уезжай, - сказала я. - Отвези записку и уезжай. Завтра с утра придет инспектор. Я хочу, чтобы тебя здесь не было.

Он встал, одернул рубашку. На пороге обернулся.

- Я вернусь, - сказал он. - Когда инспектор уйдет. Если ты

позволишь.

- Я не знаю, позволю ли.

Он кивнул и вышел. Дверь закрылась тихо, без стука. Я слышала, как за калиткой стихли его шаги.

Лена заглянула в лечебную.

- Госпожа, там пришли из гильдии. Ровена прислала мальчика с грамотой. И с запиской. Просит прочесть до утра.

Я спрятала записку Ровены поглубже в карман и пошла к Лене. Она стояла у стола, на котором уже стоял чистый горшок с кашей, и перебирала полотенца. Лицо у нее было то самое, какое бывает, когда она хочет что-то сказать и боится.

— Что?

— Госпожа, — она не подняла глаз, — там мальчик приходил. Из замка. Не от Рагнара. Сказал, что от лорда. Сказал, чтобы я передала вам банку. Я взяла. Она в сенях на лавке. Я не открывала.

Я вышла в сени. На лавке, где вчера сидел Вельт, стояла небольшая банка из темного стекла с притертой пробкой и тонкой лентой поперек горла, завязанной узлом, каким вяжут только в одном доме на три улицы. Банка была холодная, как будто ее несли по морозу. Я отвязала ленту, вынула пробку. Пахнуло железом, пылью и чуть-чуть старой кровью. Это была его кровь, сцеженная с браслета, — та самая, что капала на бланк, когда перо заело. Я узнала запах: бабка варила из нее припарки, когда у меня в детстве горели руки от кольца.

Я поставила банку на полку рядом с медом и уксусом. Подумала. Вернулась, взяла банку и убрала в сундучок под замок, где лежала моя печать. Не потому что я ему поверила, а потому что кровь из-под браслета стоила дороже любой клятвы на словах. Если совет захочет снова требовать от меня подпись, эта банка будет уликой, что клятва была произнесена добровольно, а не под давлением.

Лена смотрела на меня из кухни.

— Он еще что-нибудь просил передать?

— Сказал, госпожа, чтобы вы выпили отвар. Что взвар горький, а там сладкий. И что если вам не понравится, он больше не придет.

— Лена, — я подошла к ней, — если завтра от лорда придет еще что-нибудь, ты мне несешь сразу. Не разворачиваешь. Не пробуешь. Не нюхаешь. Поняла?

Она кивнула. Глаза у нее были слишком круглые. Я смягчила голос.

— Я не сержусь. Я просто не хочу, чтобы тебя втянули. Он умеет делать подарки так, что отказать неловко.

— А вы откажете?

— Я не отказала. Я убрала под замок. Это разные вещи.

Она выдохнула. Я пошла обратно в лечебную, но на пороге остановилась. В дверях стоял Йорен с двумя ведрами.

— Госпожа, там опять пришли. Женщина. Не знаю кто. Спрашивает целительницу.

— Имя?

— Не назвала. Сказала, что по делу гильдии. У нее на поясе значок, я не разобрал какой. Плащ дорожный, серый, кашпошон. Руки в перстнях. На правой руке перстень с камнем, который я у гильдейских не видел. Красный, непрозрачный.

Я подумала. Ровена о мальчике с грамотой уже прислала, копию послала совету, она бы сама не пришла в плаще без предупреждения. Из гильдии больше никто сегодня не должен быть. Женщина с серым плащом и перстнями. Это могла быть Ингрид, которая приехала без эскорта, чтобы выглядеть скромной. Это могла быть Ровена, передумавшая ждать утра. Это мог быть кто-то третий, кого я не знаю.

— Йорен. Скажи ей, что я в лечебной. Пусть войдет через сени, разуется у порога. Если откажется — пусть ждет на крыльце. И Лену ко мне.

Йорен ушел. Я вернулась к столу, вытерла руки, сняла фартук, надела другой, чистый, с печатью гильдии на кармане. Села за стол, положила перед собой реестр, открыла на чистой странице. Перо в чернильнице. Чернила мои, пахнут полынью и железом. Если она понюхает, она узнает, и это уже будет разговор.

Лена вошла, встала у двери.

— Если я скажу подать взвар, подашь. Если скажу подать ключи от бельевой, подашь ключи от бельевой. Если скажу подать сумку, подашь сумку. Больше ничего не подаешь, ничего не говоришь, ничего не берешь у нее в руки.

Лена кивнула, и в этот раз у нее в глазах не было страха.

Это была та самая Лена, которая умела стоять тихо.

В дверях появилась женщина. Она разулась, как я просила. Плащ был серый, хорошего сукна, подбит лисьим мехом, под ним дорожное платье из тонкой шерсти. Лицо было усталое, красивое, с тем типом усталости, который бывает у людей, привыкших принимать решения за других. Перчатки она сняла, и я увидела на правой руке тот самый перстень: камень красный, непрозрачный, в старом серебре, с вытертой резьбой. Я такого перстня не знала. Значит, это был не гильдейский знак.

— Марьяна, — сказала она. — Меня зовут Аста. Я из совета Ста, но не по роду Серого Пламени. По ремеслу. Я здесь как представитель ремесленной палаты, а не как родственница.

— Проходите. Садитесь.

Она села на табурет у стены. Спина прямая, руки на коленях, без перчаток. Она увидела реестр, увидела перо, увидела, что я к ней не встала. Я заметила, что это ей не понравилось. Пусть.

— Гильдия прислала мне ваше дело, — сказала она. — Я прочла реестр, прочла долговую книгу, прочла письмо совета, которое вы получили сегодня утром.

— Вы читали мою долговую книгу?

— Я имею право. Ремесленная палата проверяет цеховые книги раз в квартал. Ваша книга — цеховая, потому что приют записан под гильдией. Я читала ее по праву, не по милости.

сти.

— Что вы хотите?

— Я хочу предложить вам сделку. Совет требует, чтобы вы явились в замок на сверку крови. Ультиматум совета — не закон, это родовое правило. Гильдейский закон другой. По гильдейскому закону сверка крови целителя с родом проводится не в замке, а в гильдейском доме, при двух свидетелях, с составлением протокола, копия которого остается у целителя.

Я молчала. Она продолжала.

— Если вы придете в замок, совет получит право заявить, что сверка прошла по их правилам. Они могут объявить, что вы согласились на ритуал Возврата Имени, даже если вы этого не говорили. Если вы придете в гильдейский дом, совету придется договариваться с гильдией, а гильдия не любит, когда ее обходят.

— Кто платит за сверку в гильдейском доме?

— Род платит. Это прописано в статуте. Если род отказывается платить, сверка переносится, и совету придется продлить ультиматум на месяц. Вы выигрываете месяц.

Я положила перо в чернильницу.

— Почему вы пришли сами? Почему не Ровена?

— Потому что Ровена не имеет права предлагать сделки от имени палаты. Она целительница. Я — представитель палаты. Это разные должности.

— И совет не узнает, что вы были здесь?

— Совет узнает. Я обязана сообщить палате о визите. Но я не обязана сообщать совету, о чем мы говорили.

Я посмотрела на нее. Лицо у нее было усталое, но не злое. Перстень на пальце был старый, серебро стерто, камень мутный. Это был перстень не родовой, а цеховой. Она его носила, как я ношу свою печать.

— Я подумаю, — сказала я. — Утром пришлю ответ через Йорена в гильдейский дом.

— Хорошо, — она встала. — Марьяна. Последнее. В записке Ровены написано, что инспектор будет у вас в девять утра. Я приду с ним. Не потому что я ему верю, а потому что мне нужно видеть, что он запишет.

Она натянула перчатки, застегнула плащ, вышла в сени. Я слышала, как она обулась, как Йорен открыл перед ней калитку.

Лена выглянула из кухни.

— Госпожа, это кто был?

— Это, Лена, был человек, который хочет, чтобы совет заплатил за то, что совет делает бесплатно. Запомни это. Бесплатного ничего не бывает, и уступка совета — это всегда чья-то уступка.

Я вернулась к столу. Открыла реестр на чистой странице. Записала:

«Утро. Визит Асты, представитель ремесленной палаты. Предложение: сверка крови в гильдейском доме, а не в замке. Платит род. Отказ рода продлевает ультиматум на месяц.

Ответить утром. Родовой перстень у Асты — цеховой, серебро стерто, камень непрозрачный. Банка из замка — кровь из-под браслета, убрана под замок с печатью».

Подписала. Марьяна из Теплой Обители, целительница гильдии. Не Марьяна Серого Пламени. Не жена. Целительница.

В кухне пахло хлебом, в сенях стояла банка с чужой кровью, а в кармане фартука лежала записка Ровены, от которой пахло железом и терпением. Я сложила реестр, встала, посмотрела в окно. На той стороне моста никого не было. Кольцо на пальце было теплым, не горячим. Впервые за утро я выдохнула.

Завтра я напишу Асте, что согласна на сверку в гильдейском доме, и пусть совет сам решает, платить или продлевать. А если не заплатит, у меня будет лишний месяц, и за этот месяц я успею поднять крышу над лечебной, выкопать колодец и купить нормальный чай.

Я взяла свернутый лист, развернула.

«Марьяна. Инспектор будет у тебя в девять утра. Я приду с ним. Гильдия дала грамоту, копию послала совету. Держись. Р.»

Я сложила записку, убрала в карман фартука. На столе остывала манная каша, в доме пахло хлебом, и впервые за этот день я почувствовала, что у меня есть завтра.

Глава 5. Сломанная дверь

Я заколотила нижний брус и отступила на шаг. Дверь держалась криво, но держалась. Петля все еще скрипела, зато щели больше не было: сухой мох, который я надергала из-за печи, лег плотно, и холод перестал тянуть по ногам. В белье-вой пахло мылом и чуть-чуть полынью. Это был мой запах, и только мой.

За стеной возилась Ольга. Она дышала ровнее, чем вчера, и это был лучший ответ на все вопросы, которые мне задавали сегодня утром. Лена сунула голову в щель, посмотрела на дверь, на меня и тихо сказала:

— Она спит.

— Пусть спит, — ответила я. — Разбудишь, если снова потеет.

Лена кивнула и ушла, шаркая подошвами по камню. Я осталась одна. Саквояж стоял у стены, ножницы с монограммой лежали сверху. Я проверила задвижку: дверь теперь закрывалась изнутри на простой крюк, но крюк я сама сделала из гвоздя, согнутого в тисках Миры. Хороший крюк, тугой. Если кто-то захочет войти без меня, я услышу.

Записка лежала за подкладкой сумки. Тонкая, сложенная вчетверо, с запахом чужих чернил. Я не стала ее разворачивать снова. Я знала каждое слово. «Ты все еще моя жена». Подпись — его рукой, но чернила были чужие, с той

остротой, которую дает желудочный сок, подмешанный в сок орешка. Так делают в Доме Сольвейг, когда хотят, чтобы письмо выглядело старым. Ингрид не пожалела времени на подделку. Это было почти лестно.

Я вытащила записку и поднесла к огарку свечи. Бумага за-
нялась быстро. Язычок пламени лизнул «ты моя», и я держа-
ла бумагу, пока огонь не дошел до пальцев. Не больно. Тепло
кольца перекрыло жар. Я бросила остаток в плошку с водой,
и он зашипел, свернулся в серую кашицу.

За стеной снова кашлянула Ольга. Я пошла к ней.

У кровати я села на табурет и положила руку на лоб. Лоб
был горячий, но не лихорадочный. Жар отпускал медленно,
по градусу в час, и это было правильно. Я сменила повязку
на шее, промокнула сухой бинт в отваре зверобоя, который
Вельт притащил вчера вместе с дровами. Зверобой пах же-
лезом и медом. Я размочила бинт и приложила к ранке. Оль-
га не проснулась. Хорошо.

Браслет на запястье я почувствовала раньше, чем услыша-
ла шаги. Он стянул кожу, потом отпустил. Вельт вошел без
стука, остановился у двери. Я не повернулась. Я знала, что
он там. Кольцо на моем пальце стало теплым, не горячим, и
я впервые за месяц перестала считать его врагом.

— Сядь, — сказала я. — Только не на кровать.

Он сел на табурет у двери, как вчера. Скрипнул деревом,
сложил руки на коленях. Я чувствовала его взгляд на сво-
ей спине, но не оборачивалась. Я работала: снимала повяз-

ку, макала бинт, прикладывала. Руки знали дело, и это было единственное, на что я могла положиться сегодня.

— Ты сожгла письмо, — сказал он тихо.

— Я сожгла ложь, — ответила я. — Бумага горит одинаково.

Он замолчал. Я слышала, как он дышит: ровно, но с той хрипотцой, которая появляется, когда жар глубоко в костях. Сегодня хрипотцы было меньше. Я не дала себе этому обрадоваться.

— Ингрид приедет завтра, — сказал он. — С подарком и при свидетелях.

— Знаю, — сказала я. — Лена уже передала.

— Она будет говорить про детей.

— Она будет говорить про долг.

Я повернулась. Он сидел бледный, с темными кругами под глазами, и смотрел на мои руки, а не на меня. Это было правильно. Сегодня мои руки стоили дороже его взгляда.

— Завтра, — сказала я, — ты неходишь в приют. Завтра я сама.

Он хотел что-то сказать и не сказал. Браслет на его запястье тихо звякнул о пряжку, и я снова отвернулась к ребенку.

За стеной кто-то ходил по коридору. Я узнала шаги Миры: тяжелые, с шарканьем правой ноги. Мира несла что-то тяжелое, и я по запаху догадалась, что это горячий хлеб. В белье пахло полынью, дымом свечи и теперь свежим хле-

бом. Это был запах дома, который я строила сама.

Вельт встал. Я слышала, как он идет к двери, и почувствовала, как кольцо остывает на полградуса. Не холодом, просто обычной температурой. Это было странно и почти больно. Он остановился в дверях.

— Марьяна, — сказал он.

Я не ответила. Я слушала дыхание ребенка.

Я не ответила. Я слушала дыхание ребенка, и в этом дыхании слышалось ровно то, чего мне не хватало весь вчерашний день: тихая работа, которую никто не отберет. Вельт постоял в дверях еще два вдоха, и я почувствовала, как кольцо сначала чуть остывает, а потом возвращается к тому простому теплу, какое бывает у монеты, пролежавшей в кармане у живого человека.

Он ушел. Шаги были тяжелее, чем утром, и я знала почему. Браслет на его запястье начинал давить, как только между нами появлялась дверь. Через полшага ему станет хуже, через десять шагов начнет ломать кости, через двадцать он остановится у моста и будет ждать, пока жар уймется сам себя. Так работала клятва, которую он сам подписал.

Я встала с табурета, подошла к двери, задвинула крюк. Дерево застонало, крюк сел в гнездо. За стеной кашлянула Мира, и я слышала, как она ставит на пол тяжелый поднос.

— Марьяна, — позвала она негромко, — хлеб горячий, носи кружку.

Я пошла к двери и приоткрыла. Мира держала поднос, как

всегда, двумя руками, и на подносе стояли три ломтя хлеба, кусок масла в плюшке и горшок с чем-то, что пахло мятой и луком. Это была не просто еда. Это была плата за вчерашнее: Мира никогда не носила мне больше одного куска, а теперь несла три.

— Что случилось? — спросила я.

Мира посмотрела на меня, потом на мою руку, и сказала негромко:

— Ко мне сегодня заходил человек из замка. Спрашивал про девочку.

Я вынула из-за двери тарелку, переложила в нее два ломтя и масло. Третий оставила на подносе. Мира нахмурилась, но не сказала ни слова. Так у нас было заведено: половина работы, половина доверия.

— Какой человек? — спросила я.

— Не Торвен, — сказала Мира. — Молодой, в серой куртке Сольвейг. Бритый, с заусенцем на левой руке.

— Что он хотел?

— Спросил, спит ли у меня девочка лет пяти, дальняя родственница Вельта по женской линии. Я сказала, что у меня спят только коты.

Я перестала жевать. Это была плохая новость. Я ожидала, что совет пришлет кого-то пострашнее, а прислал человека с заусенцем.

— Когда он приходил?

— На рассвете, — сказала Мира. — До семи. До твоей

Лены.

Я кивнула, забрала тарелку и горшок и закрыла дверь. Крюк сел сразу. За стеной Ольга снова кашлянула, тихо, по-детски, и я пошла к ней.

Я доела хлеб, сидя у ее кровати, и думала. Человек с заусенцем — это была не грубая проверка. Это был слух, а слух в таких делах всегда идет от совета к слугам, а от слуг к кухарке. У Миры кухарка имелась. Если завтра Ингрид придет с подарком, она первым делом спросит про девочку. И мне нужно, чтобы к этому моменту у меня была на руках бумага от гильдии, что девочка под моей опекой.

Я достала из саквояжа чистый лист, который заготовила вчера, и перо. Чернила у меня были свои, густые, с запахом полыни и ольхи. Такие не подделаешь. Я подумала и написала:

«Старшей травнице гильдии целителей при окраинной лечебнице.

В лечебнице приюта Теплой Обители находится под моей опекой девочка пяти лет по имени Ольга. По имеющимся у меня сведениям, она приходится дальней родственницей роду Серого Пламени по женской линии. Прошу подтвердить, что гильдия берет ее под свою защиту как воспитанницу лечебницы, и что права рода на воспитание потомков по материнской линии не распространяются на воспитанниц гильдии до окончания лечения.

Травница Марьяна.

Печать: Серое Пламя, крыло целительницы».

Я поставила точку и подписала: печать с монограммой Серого Пламени, которую носила с собой на шнурке. Эту печать мне отдал Вельт перед свадьбой, и с тех пор я ни разу ею не пользовалась. Он думал, что я ее выбросила. Хорошо, что не выбросила.

Я сложила письмо, запечатала воском, который притащила из кухни на свечке, и положила в саквояж. Завтра это письмо должен отвезти в гильдию тот, кому я доверяю. Не Мира. Не Лена. Только Вельт, потому что гильдия его знает и потому что у него нет выбора: пока письмо не уйдет, ему придется оставаться рядом.

От этой мысли стало холодно. Я знала, что использую его, и от этого знания не делалось теплее.

За окном слышались шаги, тяжелые, неровные. Я узнала их. Я встала и подошла к окну. У моста, на той стороне, где каменный парапет был низкий, стоял Вельт и смотрел на приют. Не на окно, а ниже, на ворота. Жар снова начал подниматься, и я видела, как он чуть прижал ладонь к браслету.

Я отошла от окна. Завтра он отвезет письмо. Завтра Ингрид приедет с подарком и при свидетелях. Завтра я буду одна в приюте, и мои руки должны будут говорить за меня громче любых слов.

Я села обратно к кровати, положила руку на лоб Ольге и стала считать ее дыхание. На сорок седьмом вдохе кольцо у меня на пальце стало снова горячим, и я закрыла глаза.

Пусть ждет у моста. Мне сегодня нужно выпасться.

Я проснулась от того, что кольцо на пальце вдруг стало ледяным, а в следующий миг обдало жаром, будто кто-то опустил мою руку в кипяток. Сердце ухнуло к горлу, я села на кровати и прижала ладонь к груди. За стеной тихо дышала Ольга, и на одну секунду мне показалось, что девочка тоже вздрогнула во сне. Я разжала пальцы, посмотрела на кольцо. Оно светилось изнутри ровным грязно-золотым светом, как уголь, который еще держит жар, но уже не горит. Так клятва реагировала, когда Вельт пытался уйти дальше, чем позволяла связь.

Я накинула платок, сунула ноги в башмаки и вышла в коридор. На лестнице пахло холодным камнем и подгоревшей кашей — Лена уже затопила печь, но забыла снять чугунок, и теперь по всему дому тянуло горелым. Я хотела спуститься, но остановилась у окна в конце коридора. У ворот стоял Вельт, и я поняла, что он не уходил вчера ночью. Он ждал у моста, пока я считала дыхание Ольги, потом вернулся под утро, когда кольцо снова стало просто теплым, и теперь стоял у наших ворот, как человек, которому некуда идти.

Он не вошел. Он стоял, опустив руки, и смотрел на дверь, как будто ждал, что я сама ее открою. Браслет на его запястье светился тем же грязно-золотым светом, что и мое кольцо, и я впервые увидела это свечение на его коже, а не только чувствовала на своей. Оно не шло ему. Оно делало его похожим на больного, а не на лорда.

Я открыла окно.

— Ты с ума сошел, — сказала я негромко. — Стоять под дверью женщины, которая тебя выгнала, это не искупление. Это дурная привычка.

Он поднял голову. Глаза у него были красные, не от слез, а от жара, и я заметила, как он чуть прижал левую руку к боку, туда, где у людей обычно болит селезенка, а у драконов, судя по тому, что я видела за три года замужества, горит второй узел клятвы.

— Мне нужно в гильдию, — сказал он. — Ты же сама это решила.

Я не сразу нашлась с ответом. Он прочитал мой план. Не весь, но главное: что письмо повезет он, потому что гильдия знает его в лицо, а Лену и Миру слуги Рагнара перехватят на мосту. Я не помнила, чтобы я говорила это вслух, но в этом доме, наверное, и стены уже устали от моих мыслей.

— Спускайся, — сказала я. — В кухне горячий отвар, и у меня к тебе разговор, который не для окон.

Он кивнул и пошел к калитке. Я отошла от окна и спустилась в кухню. Лена уже сняла чугунок, вытерла плиту и теперь резала хлеб, ровно и тонко, как ее учили на кухне замка. Увидев меня, она прижала нож к доске и спросила одними губами: «Он?» Я кивнула, и Лена быстро убрала со стола лишнее — кружку Рагнара, крошки от вчерашнего пирога, клочок бумаги, на котором я ночью писала черновик письма. Потом она вышла, и в кухне остался только запах подгорев-

шей каши и мокрого дерева с его плаща.

Вельт вошел тихо, как входят в чужой дом, где тебе не рады, но и не гонят. Он стянул плащ, повесил на крюк у двери, и я увидела, что под плащом на нем простая рубаша из серого полотна, без родовой вышивки, без ворота, стянутого шнурком с печатью. Он оделся как слуга, а не как лорд, и я поняла, что он сделал это специально, чтобы в гильдии его приняли за человека, который привез письмо от целительницы, а не за драконьего лорда, которому задолжали полгорода.

Я поставила перед ним кружку с отваром, села напротив и положила на стол запечатанное письмо.

— Отвезешь это старшей травнице, — сказала я. — Отдашь в собственные руки. Если спросят, кто просил, скажешь, что целительница приюта. Имя мое не называй.

Он посмотрел на письмо, потом на меня.

— Ты используешь меня, — сказал он ровно, без обиды. — Я знаю.

Я отпила из своей кружки. Отвар был горький, с полынью и медом, и от него на языке оставался привкус, который я не любила, но который хорошо глушил чужой страх.

— Я использую тебя, — сказала я. — Но я также пишу в гильдию, что ты привез письмо, и это первый раз, когда твоя семья сделала для моего приюта что-то полезное за последние полгода. Так что мы в расчете.

Он усмехнулся. Усмешка вышла у него кривая, и я впервые увидела, как у него дернулась щека — старый шрам от

детской драки, о котором я помнила все, хотя делала вид, что забыла. Он взял письмо, спрятал во внутренний карман рубахи, и я заметила, что карман у него протерт, а подкладка выглядывает наружу. На драконьем лорде была рубаха, которую штопала женщина, не имевшая денег на новую, и от этого мне стало холодно внутри.

— Я отвезу, — сказал он. — Но у меня условие.

Я поставила кружку.

— Условие ставит тот, кто платит, — сказала я. — Ты пока не платишь.

— Я заплачу, — сказал он. — Дай мне три дня после письма. Три дня я буду приходить в приют и помогать по хозяйству. Не как лорд, как работник. Буду таскать воду, колоть дрова, носить ребенка, если ты разрешишь. Три дня — и кольцо на тебе станет спокойным, а не как сейчас.

Я посмотрела на кольцо. Оно светилося ровно, без пульса, и я не знала, радоваться мне этому или бояться. Три дня рядом с человеком, который меня предал, — это много. Три дня — это целая жизнь для ребенка, который у меня наверху, и для меня самой, потому что я знала, как мое тело реагирует на его запах, и не хотела проверять это при детях.

— Три дня, — сказала я. — Без входа в лечебную без моего слова. Без разговоров со мной при слугах. Без имени «жена» в любом падеже. И если хоть один ребенок в этом доме заплачет от твоей тени — ты уйдешь в тот же час.

Он кивнул. Не коротко, как целуют руку даме, а медленно,

как ставят печать на бумагу, которую потом не снимешь.

— И еще, — добавила я, и голос у меня сам собой стал суше, — если ты встретишь у гильдии человека из замка, ты его не знаешь. Ты не останавливаешься, не заговариваешь, не передаешь приветов. Ты проходишь мимо, как проходят мимо собственного позора.

Он встал. Стул скрипнул по полу, и в кухне запахло мокрым деревом и полынью. Он подошел ко мне, и я увидела, как кольцо у меня на пальце вспыхнуло ярче, а потом медленно стало остывать, словно кто-то подул на угли. Он не наклонился, не взял меня за руку, не сделал того, что делал раньше, когда хотел, чтобы я его простила. Он просто остановился на расстоянии ладони и сказал тихо:

— Я понял, Марьяна. Три дня. Ни слова лишних. И письмо будет в гильдии к полудню.

Он ушел, и в кухне остался только его запах, и кольцо на моем пальце, которое медленно, очень медленно возвращалось к тому простому теплу, какое бывает у монеты в кармане у живого человека. Я допила отвар, вымыла обе кружки, вытерла стол и пошла наверх, к Ольге. У порога я остановилась, посмотрела на свои руки и впервые за долгое время увидела на них только траву, а не чужую кровь.

Я поднялась к Ольге и прикрыла за собой дверь тише, чем обычно, потому что девочка спала, подложив под щеку мою чистую косынку, а вторая рука у нее была замотана так плотно, что я сама испугалась. Сняла повязку, проверила ко-

жу под ней, потрогала лоб тыльной стороной ладони — жар упал, но не ушел. Я заварила полынь и зверобой в глиняной кружке, поставила рядом с кроватью и села на край, чтобы дожидаться, пока Ольга проснется и выпьет хотя бы три глотка.

Пока я ждала, я вынула из кармана фартука письмо Ингрид, развернула и перечитала. «Ты ведь знаешь, что он никогда не вернется к тебе по-настоящему. Отдай девочку, и совет забудет твои долги. Ты же умная женщина, Марьяна, не заставляй меня объяснять тебе цену твоего упрямства». Я сложила письмо вчетверо, подошла к окну и сунула его в щель между рамой и подоконником, где раньше Лена прятала для меня мелкие монеты, чтобы не нашли слуги. Потом задвинула занавеску и вернулась к Ольге. Спрятать письмо было мало, но это было все, что я могла сделать прямо сейчас, не спускаясь в кухню и не показывая слугам, что я его читала.

Ольга проснулась сама, без крика, просто открыла глаза и посмотрела на меня так, будто проверяла, та ли я, что была ночью. Я дала ей отвар, она выпила, морщась, и я впервые за два дня увидела, как у нее порозовели губы.

— Тетя Марьяна, — сказала она, — а дядя, который приходил с дровами, он еще придет?

Я замерла с кружкой в руке.

— Зачем тебе? — спросила я ровно.

— Он меня не испугал, — сказала Ольга просто. — Он

пахнет дровами и немножко кровью. Я думала, будет хуже.

Я поставила кружку и впервые за утро почувствовала, что у меня дрогнули пальцы. Девочка, которая полгода боялась собственной тени, сказала мне, что дракон пахнет не страхом. Я погладила ее по голове, сказала «спи» и вышла из комнаты, потому что иначе я бы осталась сидеть на этом краю и думать о том, как быстро дети переписывают для нас мужчин по запаху, и это было слишком.

В коридоре я столкнулась с Йореном. Он стоял у двери в лечебную, прижимая к груди моток бинта, и вид у него был такой, будто он решался войти или бежать.

— Что? — спросила я.

— Там, — он кивнул на дверь, — приходил человек от советника Рагнара. Сказал, что у него для вас лично, и ушел, когда увидел, что меня не на шутку можно выгнать. Но он оставил сверток на лавке.

Я вошла в лечебную. На лавке, где ночью лежал пакет Вельта, теперь стоял узел из темного сукна, перевязанный шнурком с печатью дома Серого Пламени. Я развязала шнурок, развернула ткань, и внутри оказалась лакированная шкатулка, крошечная, с золотым замочком, а в ней — браслет, тонкий, из темного металла, точь-в-точь как тот, что носил Вельт. Я поднесла браслет к своему кольцу, и кольцо вспыхнуло, а потом медленно, очень медленно стало остывать, словно кто-то подул на угли.

Я поняла, что это не подарок. Это ключ. Если я надену

его на руку Вельта, когда приведу его в приют, его жар в костях спадет до конца дня, и я смогу торговаться с Рагнармом с позиции женщины, которая лечит его лорда, а не с позиции отвергнутой жены, которой делают одолжение. Если не надену — к вечеру Вельт сляжет в моей же сушильне, и тогда совет получит право войти в мой дом под предлогом ухода за больным.

Я закрыла шкатулку, сунула ее в саквояж и заперла на ключ.

Лена пришла, когда я уже думала, что день закончится тихо. Она постучала в дверь Ольгиной комнаты костяшками пальцев, не кулаком, а именно костяшками, как стучат те, кто боится разбудить чужого ребенка и одновременно хочет, чтобы их слышали быстрее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.